

Анонс книги: отрывки и оглавление.

Леонард И. БРАЕВ

Необходимость и *свобода*

Начала нецеситной социологии

Издательство “Салика”
2013 г.

ББК 87.6я73
УДК 1:316 (075.8)
Б77

© **Леонард И. Браев. Необходимость и свобода.**
Б77 **Начала нецеситной социологии.** Изд. “Салика”, 2013,
- 640 с. Изд. 2-е, исп. и доп. ISBN 978-5-906541-01-7
(Изд.1-е, ”Стезя”, 1993,– 558 с.)

Если люди поступают по своему желанию, то возможна ли наука об обществе? Но если есть *объективные* законы человеческой жизни, то возможна ли человеческая свобода?

У одного народа – могучая промышленность, ухоженные поля, пышные города, а рядом простирается страна убогих деревень или даже охотничьих племен. Но почему? Или одни народы – умны, цвет истории, а другие – глупы, навоз истории?

Но тогда почему былой когда-то культурный центр всей ойкумены - Греция – ныне скромная европейская провинция, а еще столетие назад бедная бамбуковая Япония – ныне центр электроники, авто- и судостроения?

Почему мечта русских либералов столетие назад о демократии оказалась несбыточной? Возможна ли демократия в России ныне?

Почему в октябре 1917 г. в России произошла контрреволюция?

Что ждет человечество? Если люди сами творят свое будущее, то возможно ли его предвидение?

В книге развивается новое понимание общества, основанное на законе необходимости, отчего в новом свете разворачивается великая картина жизни людей, их нравов, морали, экономики, культуры, государства, идеологии и всей истории.

Для студентов, философов, психологов, предпринимателей, политиков – тех, кто думает о судьбах людей и общества.

ББК 87.6я73
УДК1:316(075.8)

ISBN 978-5-906541-01-7

© Ибраев Леонард Иванович, 2013

Москва, Россия

“СТРАТЕГИЯ”, гуманитарный & политический Центр

ОТЗЫВ ПРОФ. А. КОВЛЕРА

Книга Л.И. Ибраева "Необходимость и свобода. Очерк нецеситной социологии" оригинальна, ярка и богата содержанием и, несомненно, вызовет широкий интерес и споры. В чем-то она похожа на работы Л.Н.Гумилева. В условиях нашего современного кризиса веры и понимания общества и его развития, она будет способствовать формированию демократического мировоззрения. Потребность в такой книге в России назрела давно и она будет пользоваться большим спросом.

Возможно ее использование в качестве учебного пособия для ВУЗов.

Книгу следует издать массовым тиражом.

А.Ковлер

Фрагмент 1. Объективность общества

Трудно усомниться, что история складывается из дел людей: работы, любви, воспитания детей, покупок, повелений и послушаний, интриг, мятежей и особенного влияния на ход событий великих людей: мудрецов, первооткрывателей, царей, политиков, которые принимают законы и решения, посылают ноты и т.д. А разве не так? Ну, а люди действуют сознательно, по своему желанию и разумению, как им заблагорассудится. Поэтому познание общества кажется задачей несравненно более легкой, чем познание природы. Историю люди тво-

рят по своему разумению, следовательно, история определяется идеями, царящими в их головах, и, таким образом, произвольна.

И сегодня, не мудрствуя лукаво, так простодушно считает большинство.

Но задумчивость давно усомнилась в этой простоте.

Ведь люди обычно и не помышляют ни о каких общественных изменениях, а просто вершат свои обыкновенные дела ради своих личных нужд. Когда крестьяне привозили в город на продажу мешки с зерном и тюки льна и покупали взамен соль, гвозди, керосин и ситец, разве им приходило в голову, что последствием этого будет развитие товарно-денежных отношений, какого-то капитализма и революции?

Но даже когда люди воодушевляются какой-нибудь идеей переделать общество, результат их усилий бывает далеко не тем, который им грезится. Борцы Французской революции 1789 г. или Русской революции 1917 г. сражались за установление царства разума, свободы, равенства, братства, демократии или социализма; они преодолевали страшные трудности и победили. Казалось, вот теперь-то воссияет заря всеобщего счастья, но... теперь их повели на расстрел, на всем сыграли багровые блики крови и лжи. С непониманием и отчаянием они увидели, что в исходе революции вернулись к ее истоку: вместо монарха над ними и из их же рядов опять поднялись обожествленные кровавые диктаторы, души оковал холодный страх доносов, арестов, казней, вернулись бедность и унижение одних, привилегии и хамство других.

И в более скромных делах результат не совпадает с целью. Пошли на войну во имя величия страны, но только ее истожили и развалили. Построили завод, а он не выдерживает конкуренции да еще угробил природу.

Неожиданны последствия усилий даже отдельного человека. Как смеялся Стендаль, если кто-то очень хочет стать министром, он им станет – и это будет наказанием дураку.

Выходит, история не зависит от человеческих желаний, как и природная стихия? Откуда эта объективность общественного процесса?

Видимо, ее обуславливают три обстоятельства:

1. Объективная причинённость самих человеческих *желаний и мыслей*. Человек сам себя выбирает – поступает сообразно своим идеям и характеру, но его идеи и характер сами определяются его бытием.

2. Унаследованность и ограниченность материальных *средств и условий* человеческой деятельности. Дела делает человек, но их итог

зависит также от средств, которые ему доступны и от предусловий, которые ему выпали.

3. **Розни стремлений** людей. В своих действиях все люди чего-то хотят, но из столкновения многих *разнонаправленных* стремлений получается результат, которого не хотел никто.

Вот откуда происходит эта *сюрпризность* человеческой жизни, – тяжелая истина, издревле несомая философией – от Марка Аврелия до Гегеля и Маркса. Многие из тех, кто пережил тщету и *неожиданность* человеческих усилий, подозревают в истории даже власть потусторонних сил – Бога.

Но, мне думается, здесь были бы ошибочны односторонние обобщения. Последствия человеческих действий бывают неожиданными или не вполне теми, каких ожидали часто, но далеко *не всегда*. Если бы большинство наших действий: попытка зажечь огонь, налить воды, засеять поле, приветствовать знакомого – приводило к неожиданным результатам, люди бы давно вымерли. Но чем *больше* участвует в деле людей, тем больше сюрпризов.

Оттого-то каждый человек в отдельности разумен, а все вместе – стихия. Человек умен, человечество *безумно*. Глядя с высоты на историю народов: их переселения, страсти битв и завоеваний, столкновения, – трудно заподозрить в них разум.

Однако уже много веков замечается существование в обществе некоей **устойчивости форм** жизни, питающей взаимные ожидания людей, то, что обыденно именуют “социальным порядком”: признанные технологические нормативы и методы, *типы* – психологические категории людей в нациях и классах, общие идеалы, права и обязанности, художественные стили и течения, приличия этикета и государственные установления, *обычаи* семьи и публики, бюрократии и торговли и многое другое. Эта общественная устойчивость противоречит как розни между слепыми интересами людей, так и как будто б свободе их поступков и предстает удивительной. Откуда этот порядок?

Как видим, жизнь рода человеческого вовсе не так проста, как кажется на поверхностный взгляд. Наоборот, в ней чрезвычайно много таинственного.

Чтобы не открывать уже известное, надо критически познакомиться, хотя бы вкратце, каковы же *известны* в социологии способы ответа на загадки общества.

. . . . .

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ

Предмет и значение социологии. Объективность общества.

I. СФИНКС ОБЩЕСТВА

I.1. Идеистическая парадигма социологии 10

1. Наивный идеизм. 2. Социальный механицизм. 3. Круг индивида и общества. 4. Просветители. 5. Органицизм. 6. Культурный детерминизм. 7. Теория ролей. 8. Функциализм 9. Противоречия нормативизма.

I.2. Материалистическая парадигма социологии 19

1. Становление социологического материализма. 2. Географический детерминизм. 3. Расовый детерминизм. 4. Техницизм. 5. Утилитаризм. 6. Экономический детерминизм. 7. Что такое "производственные отношения"? 8. Противоречия техницизма и экономизма.

II. НЕОБХОДИМОСТЬ. ПОДСИСТЕМЫ И СВЯЗИ ОБЩЕСТВА

II.1. Закон необходимости 27

II.2. Подсистемы общества 31

1. Потребление и производство, материальное и духовное.
2. Структура производства. 3. Общение. 4. Общежитие.

II.3. Ценности и ценностное сознание 34

1. Аксиологическая проблема. 2. Необходимая сущность ценностей. 3. Ценностное сознание и личность. Практическая идея. 4. Эстетическое отношение. 5. Нравственность. 6. Идеи практические и познавательные.

II.4. Необходимые связи общества 51

1. Функции общения. 2. Обращение. 3. Функции искусства.
4. Продукция науки.

III. ПРОДУКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ ЗАКОНЫ

III.1. Продуктные связи 54

1. Продуктные отношения, их исходные виды. 2. Закон полноты. 3. Закон дополнения. 4. Зависимость и автаркия. 5. Обмен и его виды.

6. Общественные связи. 7. Функции. 8. Узусы и обиход. 9. Причины функций и узусов.

III. 2. Продуктные розни 71

1. Проблема конфликта. 2. Закон замен. 3. Единство обменов и замен. 4. Насилие. 5. Отчуждение. 6. Значение обменов и замен.

IV. ВЯЗЬ ОБЩЕСТВА

IV.1. Социогенез и социации 80

1. Закон конгрегации. 2. Индивидо-общественный круг. 3. Становление общества. 4. Массы. 5. Сообщества.

IV.2. Социальная регуляция. 90

1. Связи общества. 2. Мораль. 3. Надморальные регуляции. 4. Права и обязанности. Легитимность. 5. Объективные основы прав и обязанностей. 6. Общественное место, положение, статус и престиж. 7. Притязание и самолюбие. 8. Динамика сообщества.

V. СТРАТОВЫЙ СОСТАВ ОБЩЕСТВА 107

1. Страты. 2. Классы, их критерии. 3. Сословия и касты. 4. Интеллигенция как страта, ее классовый состав. 5. Вне классов. 6. Элита и народ, их исторический и классовый состав.

VI. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ИДЕОЛОГИИ

VI.1. Культура как обыкновения 125

1. Понятие культуры и цивилизации. 2. Области культуры. 3. Субстраты культуры. 4. Объективные основы культуры. 5. Формы культуры. 6. Обычаи. 7. Социализация и становление личности. 8. Функции культуры.

VI.2. Ценностная сущность идеологии 139

1. Феномен идеологии. 2. Колейная и идеальная селекция сознания. 3. Автоморфность миропонимания. 4. Мифологическое и теоретическое сознание. 5. Идеализация. 6. Мистика, ее причины и необходимость. 7. Религия и идеизм. 8. Функции религии. 9. Атеизм. 10. Общественный идеологический контроль. 11. Идеократия.

VI.3. Историчность и стратовость культуры и идеологии. 162

1. Стратовость идеалов и норм. 2. Субкультуры. 3. Культурное и идеологическое рассуждение. 4. Нормные переходы. 5. Нормные конфликты.

VII. ГОСУДАРСТВО

VII.1 Сущность и причины государства 171

1. Концепции государства. 2. Различие власти и насилия. 3. Источники власти. 4. Собственность как власть. 5. Лидерство. 6. Авторитет и харизма. 7. Сущность и причины государства.

VII.2. Структура, механизмы и функции государства 183

1. Структура государства. 3. Механизм подчинения. 4. Культ правителя и реалии его бытия. 5. Общественные функции государства. 6. Право и права. 7. Правосознание. 8. Легитимация власти и законов.

VIII. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФОРМАЦИИ

VIII.1. Сущность и противоположность формаций 195

1. Становление понятия формации и уклада. 2. Распределительная формация. 3. Меновая формация. 4. Патернал. 5. Индивидуал. 6. Формационные антиподы характеров. 7. Формационные антиподы культуры. 8. Антиподы взаимодействия и организации. 9. Формационные антиподы социологической парадигмы. 10. Уровни социальной детерминации. 11. Проблема социальной первопричины.

VIII.2. Распределительные формации 224

1. Родовой строй. Что было до морали. 2. Патриархально-общинный строй. Как возникла любовь. 3. Фициализм. 4. Феодализм. 5. Возникновение частной собственности.

VIII.3. Меновые формации 234

1. Рабовладение. 2. Буржуазная формация. 3. Саларии. 4. Проприетеры. 5. Ступени буржуазного общества. Проприетеризм. 6. Капитализм. 7. Пролетаризация. 8. «Обуржуазенная» интеллигенция. 9. Саларные семьи. 10. Корпоративный капитализм. 11. Патернальный салиариат. 12. Менеджерно-саларный акционерный капитализм. 13. Интеллигентный салиариат.

VIII.4. Экономика 253

1. Основные экономические категории. Проблема цен. 2. Труд и цена. 3. Польза и цена. 4. Загадка спроса и предложения. 5. Нецеситная квантовая экономика. 6. Отраслевая структура. 7. Системность цен. 8. Цены реальные и номинальные. Деньги. 9. По-

литическая экономика. 10.Экономические кванты. 11. Кредит и накопления. 12.Экономические циклы и кризисы. 13. Границы рыночной регуляции.

IX. ФОРМАЦИОННЫЕ ТИПЫ ГОСУДАРСТВ

- IX. 1. Диктаторское государство 285**
1.Сущность и порядки диктатуры. 2.Племенное государство. 3. Фициальная деспотия. 4.Феодальное государство. 5.Королевство. 6. Абсолютная монархия. 7.Буржуазно-бюрократическое государство. 8.Тоталитарное государство. 9. Становление закона.
- IX.1.2. Демократия 294**
1.Социальная база и принципы демократии. 2.Закон и гражданское общество. 3.Возникновение политики. 4.Партии, их отличие от государства и структура. 5.Возникновение партий, их типы, функциональные и стратовые. 6.Политическое общество. 7.Власть над властью. 8.Функции суда. 9. Единство демократии и рынка.
- IX.3. Стадии демократии 334**
1.Племенная демократия. 2.Полисная демократия. 3. Феодальная демократия. 4.Имперская демократия. 5.Буржуазно-бюрократическая демократия. 6.Федеральная демократия. 7. Социальная демократия. 8.Полито- и плутократия.
- IX.4. Формационные антиподы государственности 320**
1.Антиподы понимания государства. 2.Антиподы правосознания. 3. Формационные антиподы бюрократии. 3. Буржуазная бюрократия. 4.Превращения патеральной бюрократии. 5. Предусловия политического режима. 6.Предстоящая демократия.

X. СОЦИАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ

- X.1. Законы взаимодействия природы и людей 358**
1.Почему народы различны? 2.Антропогенная среда. 3. Природные факторы быта. 4.Природные факторы хозяйства. 5. Производственно-культурные ареалы. 6.Цивилизации. 7. Геоэкономика. 8. Геоистория. 9.Природные условия рабства. 10. Волны истории. 11. Географический фатализм и нигилизм. 12.Умрет ли природа?
- X.2. Демогеография 369**
1.Проблема народонаселения. 2.Продуктные законы народонаселения. 3.Современный демографический взрыв. 4. Расы и расизм. 5. Несостоятельность расизма. 6.Условия этноса. 7.Род и племя.

8. Народность и этногенез. 9.Нация. 10. Национальный характер и культура.

X.3. К теории международных отношений 395

1. Этническое расчуждение. 2. Национализм и интернационализм. 3. Война. 4. Империи, их типы. 5. Закон региональности прогресса. 5. Подражания и переселения. 6. Торговое и колониальное влияние народов. 7. Региональная специализация и уклады. 8. Смещение народов. 9. Межнациональные отношения.

XI. РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

XI. 1. Содержание общественного развития 422

1. Прозрение прогресса. 2. Сущность общественного развития. 3. Детерминанты прогресса. 4. Критерии и разлады прогресса. 5. Технологические революции. 6. Механизменная революция. 7. Промышленная революция. 8. Индустриальная революция. 9. Критерии формационного прогресса. 10. Прогресс стимулов труда и стимулов производства. 11. Экономическая регуляция прогресса. 12. Объективность прогресса.

XI.2. Общественные трансформации 447

1. Переходные общества. 2. Страты переходного общества. 3. Маргиналы и аномия. 4. Эволюция, революция и реформа. 5. Различие революции, восстания, политического переворота и контрреволюции. 6. Причины трансформации. 7. Идеологический пролог трансформации. 8. Революционная ситуация. Причина развала власти. 9. Стратовые и формационные типы революций и реформ. 10. Цена революции. 11. Ненасильственная борьба.

XI.3. Трансформации российского деспотизма и демократизма 472

1. Деспотизм и демократия в Московии. 2. Реформы Петра I. 3. Дворянско-буржуазный либерализм. 4. Политические направления в интеллигенции. 5. Российская демократия в 1905-17 гг. 6. Эсерская альтернатива России.

XI.4. Истоки и исходы тоталитаризма 498

1. Какова формационная природа советского общества? 2. Что такое фашизм? 3. Тоталитаризм и фашизм. 4. Неофашизм. 5. Слабость всеилия. 6. Бесхозяйственность бюрократического хозяйствования. 7. Сущность тоталитарных переворотов. 8. Место и время тоталитаризма. 9. Маргинальная антибуржуазность. 10. Маргиналь-

ный деспотизм. 11.Исламизм. 12. Социальная опора тоталитарной диктатуры. 13.Прогресс и вырождение тоталитаризма.

XII. НЕОБХОДИМОСТЬ И СВОБОДА 533

1.Спор фатализма и волюнтаризма. 2.Объективность общественных законов. 3.Причины и свобода. 4.Необходимость и свобода. 5.На чем держатся общественные законы? 6. Общественная необходимость и фатализм. 7.Возможности истории. 8.Роль народа в истории. 9.Роль личности в истории. Талант и гений.

XIII. НЕЦЕСИТНАЯ ФУТУРОЛОГИЯ

XIII.1. Современное развитие 560

1.Возможности прогноза. 2.Современная технологическая революция. 3.Социально-культурные последствия электронной революции. 4. Основные современные идеологические направления. 5. Идеалы консерватизма. 6. Идеалы либерализма. 7. Социалистическая идеология. 8.Коммунистическая идеология и движение. 9. Анархизм. 10. Трагический триумф социализма. 11. Социал-демократия. 12. Нео консерватизм.

XIII.2. Будущее капитализма и социализма 584

1.Что такое эксплуатация? 2.Будущее экономических кризисов. 3. Деньги или план? 4.Уравнительство. 5.Страховой социализм. 6. Проблема отчуждения труда. 7.Последствия отчуждения. 8.Что такое общественная собственность. 9. Реалии социализма.

XIII.3. Будет ли коммунизм? 605

1.Трагедия коммунистического идеала. 2.Что такое коммунизм? 3.Возможен ли свободный труд? 4.Возможно ли свободное потребление? 5.Грядущая технологическая революция и ее социальные последствия. 6.Коммунизация труда. 7.Коммунизация потребления. 8.Будущее власти. 9.Будущее семьи. 10.Будущее морали. 11. Коммунистическая трансформация. 12.Свободный коммунизм. 13. Как преодолеть коллизии коммунизации?

Литература 638

Оглавление 644

Фрагменты 2. Из главы: **II.1. Закон необходимости**

... Итак, и окружающая природа, и собственная физиология человека, и идеи в его голове, и общественные нормы, и созданная им техника, и его экономические отношения, – все это, несомненно, влияет на нашу жизнь; но все это может оставаться неизменным, а жизнь – меняться и, наоборот, все это может изменяться, а жизнь оставаться прежней; следовательно, *ничто из этого не может быть определяющим*. Так что же определяет жизнь людей?

Есть ли такой особый закон?

Есть такая детерминация, такой закон. И это **не внешний** определитель человека будто всего лишь марионетки, а **внутренний** закон собственной нашей жизни и развития, который и **соединяет** нас с миром, но и **противопоставляет** миру как особое и **самонаправляющееся** образование. Такая детерминация – необходимость.

Свою теорию общества я называю нецеситной, потому что в ее основе лежат категория и закон необходимости (*αναγκη*, по-лат. *necessitas*, англ. *necessity, need*, нем. *Notwendigkeit*).

Необходимость – это такие **объективные отношения** людей и созданных ими систем с миром, которые *вследствие естественных причин и законов* обеспечивают их существование в своем качестве, так что без них или без подобных им **замен** они впадают в застой (то есть не могут развиваться), а затем – в деградацию, разложение и в итоге погибают.

Такова, например, для человека необходимость в достижении воды, пищи, тепла, каких-то средств действия, знаний, защиты от опасности и прочее *sine qua non* человека.

Неверно путать необходимость и обусловленность. Обусловленность ($\equiv$ созданность внешними условиями, естественными причинами, причиненность) свойственна всему физическому и химическому миру. Любой камень воплощает обстоятельства всей бесконечной истории своего образования. Но в мертвой природе никакой внутренней необходимости нет.

И только отличие систем живого – **самосохранение** путем **самоуправления** (авторегуляции) **самоизменения** своего объективного обменного отношения со средой – поведения и **самовоспроизводства**, размножения (а там и **эволюция живого**) превращает обу-

словленность в его **собственный** внутренний двигатель – **необходимость**, хотя она и воплощает его отношения с внешним миром.

Подробнее о таком диалектическом **происхождении необходимости** – в «Связях розей», 2011, – разд. 6.4,4, 7.3, 7.7 – 7.8, 10.6 – 10.12, 11.8, 12.8.

Но **необходимость незрима**, потому что она не вещь, а именно **отношения** между вещами; поэтому, в чем заключается **необходимость**, это само еще **необходимо** понять или обрести вслепую. Но ни то, ни другое совсем не гарантировано.

И **необходимые** отношения далеко не всегда те, что существуют в наличие, а часто те, каких еще нет.

Разлад действительности и **необходимости** причиняет страдание и воспринимается **злом**. Поэтому отсутствующая часть **необходимого** является нам как **потребность** – мучительное состояние нашего сознания и тела или дела.

Вот почему **модусы необходимости** воплощены в самом существе человека как его **направители**.

Необходимость может отражаться в наших *идеях* и *потребностях*, но, тем не менее, **не** тождественна им, потому что *идеи* и *потребности* бывают и *ложными*, как у наркоманов или утопистов, но **необходимость ложной не бывает** – по её определению: она не в нас, не наше состояние, а **объективное отношение** между миром и нами.

Необходимость – царица капризная. Она не говорит своих повелений – догадайся сам, а только карает за их неисполнение. Нарушитель ее велений обречен и может лишь оттянуть конец, пока позволяют его резервы. Увы, и в истории, и в настоящем неоглядна печальная череда зияний, когда люди и целые народы оказываются неспособными свою **необходимость** постигнуть или достигнуть и исчезают.

Закон необходимости вытекает из ее определения:

Люди *свободны* – следовать **необходимости** или погибнуть.

Соответствие действительности и **необходимости** обеспечивает удовлетворение **потребности** и переживается **благом**. Поэтому **благами** называют и сами средства удовлетворения **материальных** и **духовных потребностей**: солнечные лучи, земля, хлеб, уголь, электромотор, медицинская консультация, музыка и т.п.

Разлад действительности с **необходимостью** первоначально предстает людям как состояние бед, затруднений и страданий по непонятной причине и – соответственно – с непонятным способом его преодоления; поэтому захватывает все наше внимание и мысль.

Это состояние знакомо всем истари и именуется беспокойством, нуждой, заботой (*Sorge, anxiety, trouble*). А в 19-ом веке – в особенности применительно к обществу – публицисты стали называть его ”*вопросом*” (аграрный вопрос, женский, земский, квартирный и т.п.), а в 20-ом – чаще **проблемой**. Редко различая проблему *теоретическую* - научную – непонятное противоречие теории и фактов и *практическую* проблему – не преодоленный **разлад** дел и их результатов, хотя, конечно, разлады мысли и дела едины.

Необходимость и есть то, что направляет всю человеческую практику.

Потребление есть уничтожение благ, необходимое для сохранения существующих или возникновения новых человеческих систем.

Внешние блага, доступные потреблению, но еще не потребленные, называют *ресурсами*; потребленные ресурсы – *затраты*.

Резервы системы – это те уже содержащиеся у нее блага, которые позволяют ей соразмерное их количеству время сохраняться без поступления необходимого извне.

Действия какого-то компонента человеческой системы, удовлетворяющие необходимости целого, есть то, что известно под именем *функции*. Специфически человеческую разновидность функционирования составляет производство.

Производство – это деятельность, которая имеет своим результатом материальные и духовные блага. Создаваемые в производстве блага называют **продукцией**, и, в частности, *услугами* (если блага не отделимы от производителя).

Необходимость является также тем, что связывает индивиды в индивидуальную **систему** – **общество** (человеческое) и структурирует все его подсистемы.

Общество – **не скопление** особей, а нечто большее, чем их простая сумма, – именно **система**, созданная этой незримой необходимостью друг в друге – и потому взаимодействием друг с другом, которое неизмеримо умножает их силы. Порознь людям не одолеть тяжести, которые они осиливают вместе, да и вообще не выжить.

Собственно только взаимная связь в общество превращает предчеловеческие существа в людей.

Естественное соединение особей есть и у животных: стада оленей, стаи волков, прайты львов и т. п. сообщества, существующие всего лишь для выживания.

Но первоначальное биологическое соединение предлюдей обрело коренные отличия – производство, речь, разум, искусство, – и только они и создали подсоединения предлюдей в новую систему – общество.

II.2. Подсистемы общества

Компонентами – подсистемами, из которых кристаллизуется общество, являются:

1. **Люди** с их свойствами.

2. **Производство** и его продукция; и в нем **потребление** необходимых благ.

3. Взаимодействия всех этих компонентов, включая **обращение** продукции между ними – в форме **распределения** или **обмена** – торговли, развивающейся в экономику.

4. **Общежитие** (общественная жизнь) – действия, направленные на других людей, как на их материю, так и на сознание; таким образом, включая **общение**.

“Общественная жизнь” в смысле какого-то взаимного действия особей не могла не быть замечена и у животных в их роях, стаях, стадах и в других объединениях с их отношениями конкуренции и взаимного дополнения функций, паразитизма и симбиоза. Отличие человеческой общественной жизни (в подлинном смысле) начинается с производства, которое преобразует прямо или опосредованно и всю общественную практику . . .

. . . Деятельность человека называют **практикой**, потому что она опирается на свою противоположность – на разум, в частности, на теорию.

Общественными (чаще говорят социальными) действиями или иначе (введем термин) **занятиями** – в широком смысле – именуют все происходящее в обществе, включая и производство, и потребление, и обращение. Но в узком смысле в общественную деятельность включают воздействие на других людей, *общеежитие* – общественную жизнь, но не производство и не потребление.

. . . . .

II.2.1. Потребление и производство

Что представляет собой производство?

Если животное, как все знают, приспосабливается к окружающей природе, то человек еще и приспосабливает к себе природу. В этом его коренное отличие от животного по самому способу существова-

ния. Животное получает пищу, воду, тепло и другие блага от природы готовыми, а от него требуется разве что их найти или поймать. Человеку необходимые жизненные блага природа дарит готовыми редко. Человеческое потребление осуществляется благодаря производству.

Производство означает преобразование природы для получения средств жизни – благ. Таким образом, производство образуется противоединством: мира природы и мира человека, которые оказываются внутренне тождественными и именно в производстве *переходят* друг в друга . . .

И в дни молодости, и на похоронах друга Энгельс повторял как их важнейшую научную заслугу “открытие того простого факта”, что прежде чем “делать историю”, то есть “заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д.” (т.19, с.350), люди должны иметь “возможность жить”, а для этого “нужны пища, питье, жилище, одежда и еще кое-что” (т.3, с.26). Здесь явно просвечивает осознание в потреблении и производстве *необходимости* – и это, в самом деле, *великое озарение* Энгельса – Маркса, которое и подвигло их на материалистическое понимание общества. Но они его не эксплицировали, не раскрыли содержание и значение необходимости и не положили в фундамент своей теории.

Виды производства:

1. *Материальное* производство – **хозяйство**: сельское хозяйство, ремесло, промышленность и их отрасли. В узком смысле слова производством называют только хозяйство.

2. *Телесное* (антропологическое) производство – **быт**,– воспроизводство самого человеческого *организма* и *психики* в *семье, сервисе, школе, медицине*. Содержание быта заключается в рождении и воспитании детей, отдыхе, восстановлении и развитии своих сил.

3. *Духовное* производство – **культура** (в узком смысле слова): искусство, наука, школа.

Маркс исключал быт из производства, но Энгельс относил его к производству – “самого человека, продолжению рода” (т.3, с.27-28, т.21, с.25-26); в начале 1950 гг. это было у нас осуждено как “ошибка Энгельса”. Обычно явно или неявно быт очерчивают негативно, как бытие вне производства и общественной деятельности. В марксизме понятие производства воинственно сужается до сельского хозяйства и промышленности. Труд домохозяйки или полотера, хирурга или рабочего сцены, учителя или музыканта словно не труд . . .

. . . . .

Теперь, когда происходит социализация быта: вытеснение домашнего быта общественным: профессиональной медициной, школой, сервисом – производственный характер быта проявляется особенно рельефно. Но и в доиндустриальном обществе у крестьян и ремесленников хозяйство и быт вообще не разделялись; был досуг: сон, отдых, прогулки, песни, посиделки, гулянья, праздники, – но они часто сочетались с какими-нибудь работами и проходили в том же пространстве. А куда отнести – к работе или отдыху – рыбалку или охоту? – ответить вообще трудно.

Узкое толкование производства, исключение из него быта и культуры запутывает действительные связи общества и служит идеологическому обоснованию дискриминации не промышленных и не сельскохозяйственных профессий.

Искусство является видом духовного производства. У нас его часто трактуют каким-то мышлением или познанием, подобным науке. Но разве мы что познаем, когда в сотый раз слушаем ту же самую мелодию или любуемся той же самой картиной? Гносеологическая трактовка искусства явно ошибочна.

В моем понимании **искусство** является изображением *ценностного мировосприятия* человека – во всей его полноте: восприятия и познавательного, и эмоционального, и эстетического, этического, философского . . .

. . . . .

Науку как общественное явление (институцию) образуют люди, обладающие принятыми знаниями и навыками, их организации, материальные средства и деятельность, преследующая целью познание, достаточно детальное и точное для авторегуляции практики, поэтому *системное* и достаточно *надежное*, для этого основанное на сомнении, критике и доказательстве, практическом (испытании, эксперименте) и теоретическом. Системность научного знания воплощается в его логической систематизации в теорию.

. . . . .

II.2.3. **Общение**

Общение – это *материальное взаимодействие* с целью **духовного** обмена, передача знаний, мыслей, представлений, чувств. Субстратом общения служит все духовное содержание общественной жизни.

Средства общения: выражения (экспрессии), знаки (жесты, сигналы, символы и т.п.), речь, изображения (макеты, чертежи, карты и т.п.), искусство.

Результат общения – *сомыслие* – уподобления мысли людей и сопереживание – уподобление эмоций, а в случае их принятия – *сочувствие* . . .

Особый вид – **влияние** – изменение чужого духовного состояния в целом и надолго, достигаемое и сознаваемыми, и подсознательными средствами, их целыми комплексами: *заражением*, где преобладает несознаваемое моторное подражание; *внушением*, где преобладают эмоции; и *убеждением*, где преобладают рациональные аргументы, хотя часто это только на поверхности, а в действительности происходит заражение и внушение.

Но прогресс производства обуславливает изменения средств общения. Возникают *искусственные средства дистанционного* общения: письменность, печатные книги и газеты, телефоны, радио, телевидение, интернет и другие **коммуникации**.

Они в свою очередь порождают целые **промышленные отрасли**: бумажные комбинаты, типографии, издательства, радиостанции, заводы радио, телефонной и телевизионной техники.

Возникают специальные *организации общения*: клубы, школы, театры, редакции и т. п.

Общение является условием и средством достижения общности сознания, в том числе общности мотивов, а тем самым – средством обеспечения *совместной деятельности*, всюду, от хозяйства и быта до искусства, науки, политики; общение обеспечивает существование всего общества. Даже опосредующие товарооборот *деньги* – это тоже особые знаки, эмиссия которых монополизирована и контролируется государством. Компьютеры создали современные электронные деньги и кредитные карточки.

Вот и сейчас, когда мы пишем и читаем этот текст, мы заняты общением.

. . . . .

II.2.4. **Общежитие**

Пожалуй, все, что находится за пределами производств и обращения между ними, является тем, что можно назвать личной или общественной жизнью – общежитием.

Общежитие – это установление личных связей - ладов и разладов между людьми: партнерства и борьбы, товарищества, дружбы, любви и, увы, козней, интриг, воровства, обмана, восстаний, войн, образования разных типов социаций и институций, поддержание всевозможных общественных обыкновений – повсюду, от семьи до государства.

Социальная теория как раз и занята анализом системы общественной жизни, но обреченная постоянно считаться с ее надпроизводительностью.

. . . . .

Фрагменты 3. Из II.3. Ценности и ценностное сознание

. . . Люди, производства, обращение продукции между ними, общественная жизнь – это, грубо говоря, кирпичи общества, но цемент их *связи* – **ценностные** отношения: пользы и вреда, красоты и безобразия, совести и стыда, идеала и чести, прав и обязанностей.

Обычно ценностные отношения либо выставляются какой-то *самостоятельной* сущностью, либо начисто *игнорируются* в социологии (так же как, впрочем, и в психологии) как нечто инородное и туманное, хотя тем самым игнорируется сама специфика человека.

В рассуждениях, забывающих ценностные отношения, общество рисуется сухим, мертвым, чисто физико-химико-физиологической системой молекул и организмов; Венера Милосская оказывается куском мрамора, знамя – тряпкой на палке, производство – трением деталей машин и материала, государство – сочетанием “сил”, “машиной” для подавления. В лучшем случае где-нибудь в конце этой ледящей картины, характерной для марксизма в теории, (хотя не в публицистике, всегда яростной), присовокупляется “общественное сознание” якобы как всего лишь ее “отражение”.

В картинах общества у другого рода авторов, идеистов (1.1), наоборот, *нет* вещей, ни производства, ни потребления, ни обращения; фигурируют одни идеи и оценки, но автономные, сами себя порождающие, оторванные от материального мира и произвольные.

Ценностные отношения с миром в большей части являются чисто человеческими и отсутствуют у животных, ограниченных инстинктами, ситуативным соображением и физиологическими эмоциями: жажды и голода, страха и радости, гнева и тоски и т.п., качественно от-

личными от подобных человеческих: даже обезьяна не улыбается остроумию или иронии, не восхитится героем, не опечалится социальной драме. А чувств красоты и безобразия, возвышенного и юмора, стыда и совести у животных нет вовсе; да и у людей они развиваются лишь в обществе и потому бывают не у всех и разного уровня и содержания.

Генетическую иерархию ценностей образуют следующие уровни:

1. Ценности *физиологические*: жажды и голода, тепла и сна, чистоты, пола, страха, здоровья и т.п. – общие у людей с животными, хотя и качественно изменившиеся.

2. *Утилитарные* ценности: блага, пользы, вреда, опасности, безразличия.

3. *Технологические*: эффективность орудия, материалов, приемов, условий и т.д..

4. *Эстетические*: прекрасное, безобразное, комическое и т.п..

5. *Художественные*: содержательность художественного произведения, выразительность, правдивость и т.п..

6. *Познавательные* (теоретические, научные): истина, глубина объяснения, доказательность, перспективность и т.п..

7. *Нравственные*: гордость, совесть, стыд и т.д.

8. *Моральные*: добро и зло, нормы, долг, честь.

9. *Правовые*: права, обязанности, справедливость, закон и т.п.

10. *Политические*: государственная защита, свобода, демократия, социализм и т.п.

11. *Экономические*: товар, деньги, цена, прибыль.

III.3.1. Аксиологическая проблема

Что же такое ценность? В чем сущность пользы или красоты? Что такое хорошо и что такое плохо? – вопросы, которые задают уже младенцы и с древности мучают самых прославленных философов, а в нашем столетии выделились в специальную область философии – **аксиологию** (от греч. *axiō* – ценность).

Польза и красота, вот, скажем, чайника, очевидно, определяются его материалом, формой, тонкостью стенок, блеском, цветом. Получается, ценность предмета для нас явно зависит от его объективных свойств, физических, химических, геометрических и т.д. Монолектический материализм ценность предмета и считает его объективным свойством, определяемым его природой (натурой), за что это направление в аксиологии именуется *натурализмом*. Моральные ценности натурализм усматривает в природе самого человека: добро – то, что

соответствует человеческой природе и доставляет наслаждение, зло – то, что ей противоречит и вызывает страдание; наслаждение и страдание – внешние показатели, индикаторы добра и зла.

Как будто бы все ясно и прекрасно, но против натурализма обращаются *ценностные противоречия*: почему же тогда один и тот же предмет люди могут оценивать различно? Хотя бы тот же чайник. Почему, например, выгода барину бывает ущербом крестьянину? Положим, какого-то мужчину вы считаете некрасивым, но спросите у его невесты? Да и для того же самого человека тот же предмет может стать иным, а погоня за наслаждением, скажем, сладостями обернуться страданием – от ожирения, диабета, склероза и прочих болезней.

Вот почему уже давно некоторые материалисты, например, Дидро или Чернышевский, вынуждены были признать зависимость ценности также и от субъекта и поэтому их классовые различия. Например, различие идеала женской красоты: для крестьянина красавица – ядреная, румяная, работающая, а для аристократа – полувоздушная, тоненькая, томная. Но в таком случае, выходит, ценность у предмета объективно не существует, является субъективной?

По теориям феноменалистов, добро и зло есть только наши субъективные переживания – *эмоции* и мысленное наложение этих эмоций на предметы, их очеловечивание или, по выражению Т.Липпса, – “вчувствование” (*Einfühlung*). Эта теория *эмотивизма* особенно тщательно разрабатывается современным позитивизмом.

Но если ценности – только чувства, то никаких объективных критериев их не может быть; ценностные суждения: оценки и идеалы, скажем, “воровать – дурно” и “воровать хорошо” – *не с чем* в мире *сравнивать*, нельзя проверить, «верифицировать»; они не истинны – не ложны, их нельзя ни доказать, ни опровергнуть; о вкусах не спорят, – таково обыкновенное обоснование аксиологического релятивизма и произвола.

Эта объективная и познавательная противоречивость ценности дает основание спиритуализму и религии объявить ее непостижимой и сверхъестественной, – круг замыкается – и мы выходим из науки.

II.3.2. Необходимая сущность ценностей

Свое понимание аксиологических проблем я изложил в другой книге – на полусотне страниц, хотя и там вкратце. Рамки социологической тематики позволяют высказать здесь только некоторые общие идеи.

В основе ценностей лежат отношения необходимости, как они определены в начале главы (II.1).

Разлад между действительностью и необходимостью объективно выступает как распад и гибель, а субъективно – как страдание и есть то, что именуют **злом**. *Отсутствующая* часть необходимого называется **потребностью**, а ее субъективное переживание – *нуждой*. В сознании потребность отражается как побуждение, желание, мотив, интерес и т.д.

Соответствие действительности и необходимости несет удовлетворение потребности и есть **благо**.

Таким образом, в нецеситной теории ценность объекта является его *возможностью* – способностью оказать какое-то действие на человека, иначе говоря, его последствия для нас, то, что называют его “значением”, “ролью” или *важностью*.

Важность объекта может быть физиологической, бытовой, технологической, духовной, моральной, политической, экономической – соответственно уровням ценностей.

Физиологические потребности голода, тепла, пола и т.д. означают потребление без производства, – как это имеет место на уровне животного.

Утилитарное благо и зло охватывает и хозяйство, и быт – создание потребления, – уровень отличительно человеческий.

Технологическая важность относится к производству. *Пользой* объекта именуют наличие в нем *причины* нужного, благодаря чему он становится для нас *средством*, а его следствие – *целью*. Например, эмпирическое открытие в трении причины огня превратило трение в средство добывания огня.

Нравственные ценности относятся к человеческим действиям, важным *для других* людей, иначе говоря, общественно; *политические* ценности относятся к действиям, задевающим государство. И т.д.

Как видим, **ценность** – это взаимное отношение объекта и субъекта – и оно образовано двумя сторонами: первичная сторона – это отношение объекта к субъекту, чем он важен нам – ценен или губителен, а вторичная, производная сторона – материальное и *духовное* отношение субъекта к объекту.

III.3.3. Ценностное сознание. Практическая идея

Ценностное отношение субъекта к объекту имеет три уровня:

1. **Оценка** объекта – отражение его ценности в сознании, – в форме чувств (приязни или неприязни) и мнения: одобрения или осуждения. Переживание возникновения разлада между действительностью и не-

обходимостью есть *горе*; переживание их *разлада* – *страдание*, переживание их *лада* – *счастье*.

2.А. *Познание необходимости*. Никто не видел необходимости, никто не видел свободы, потому что необходимость и свобода – это не предметы, а отношения. Поэтому их непосредственно не видно. Человек чувствует, что ему плохо, чего-то не хватает, но чего? – он не знает, только томится и страдает. Возникает **необходимость познания необходимости**.

Бывает, люди так и не узнают, что же им необходимо, и погибают. И не только отдельные люди. Истории известна гибель даже целых народов. Сколько есть печальных мест на разных континентах, где когда-то белели богатые города, зеленели сады и поля, журчали каналы, а ныне лишь шуршит песок по развалинам стен и зданий.

2.Б. *Познание возможностей* для своего действия, то есть познание законов и причин мира – для отыскания *средств* – путей достижения необходимого.

3. Необходимость практического **действия** для преодоления разлада действительности и необходимости, устранения зла и достижения блага.

Познание необходимости и средств ее достижения есть **практическая идея** – образ желанного блага.

Уровни становления практической идеи:

Мечта – образ желанного блага безотносительно к его осуществимости...

Идеал – образ блага, принимаемого за осуществимый. Прекрасный человек – кажущийся воплощением мечты о таком человеке. Прекрасное общественное устройство – кажущееся воплощением мечты о людском благоденствии . . . И т.д.

Цель – осуществляемый образ блага.

Замысел – образ блага, средств и способов его достижения. Более подробный замысел именуют программой, планом, проектом. Это уже целая отрасль общественного производства, которой заняты бесчисленные плановые, экономические и конструкторские отделы предприятий, фирм, ведомств и целые институты.

Именно на практических идеях, в особенности на идеалах, зиждется все ценное сознание: эстетическое, нравственное, правовое, – идеологическое.

П.3.4. Эстетическое

Эстетическим называют прекрасное и безобразное вместе, во всех их бесчисленных оттенках: возвышенного и низменного, комическо-

го, печального, трагического и т.д.

В нашей нецеситной теории **эстетическое** является типичным **обликом** и **образом** других ценностей. Прекрасное – это обобщенный облик блага, **Безобразное** – обобщенный облик зла. Обликом я называю чувственно воспринимаемую внешнюю форму объекта; ну, а образ блага – это, как мы уже знаем, есть **идеал**, который существует в нашей голове.

Как видим, в мысли Платона - Гегеля: прекрасное является воплощением идеи – таится глубокая истина. Но прекрасное является воплощением идеи не какой-то потусторонней, “мировой”, как фантазировали они, а идеала, пребывающего у нас в голове и порождаемого нашим практическим отношением с поюсторонним миром.

Эта обликовая и образная сущность эстетического **объяснят факты** противоречия между красотой формы вещи и злом ее содержания . . .

В обликовой и образной сущности эстетических ценностей, думается, заключается также объяснение их **бескорыстия**, “незаинтересованности”, так изумлявшей еще Шефстсбери и Канта. Действительно, мы любуемся натюрмортом без намерения съесть нарисованные яства; зрительницы восхищаются красотой актера на экране, не рассчитывая выйти за него замуж. Но как может быть иначе, если эстетическое – только облик и образ ценностей? Обликом или образом блага, разумеется, невозможно удовлетворить материальную потребность.

II.3.5. **Нравственность**

Нравственность – это ценности, оценки и идеалы человеческих действий *общественно важных*. Общественно важные действия и называют *поступками*, а их совокупности – *поведением*. Если, вернувшись домой, вы включили проигрыватель, это может быть просто действием, никого, кроме вас, не касающимся. Но если вы включили музыку, когда за нетолстой стенкой отдыхает сосед, – это поступок. Если вы купили в буфете пирожок, это может быть просто действием; но если вы кушаете пирожок, когда рядом голодный товарищ, это поступок. **Добро** – благо поступка; **дурное** – зло поступка. Не чего-либо иного, а поступка.

Поведение, соответствующее идеалам, – это и есть то, что подразумевают под **добродетелями**: честность, великодушие, трудолюбие, смелость и т.д. Поведение, противоречащее идеалам, безобразное – пороки.

В известном фильме Л.Шепитько “Восхождение” немецкий следователь, уговаривая пленных партизан выдать товарищей, говорит им:

– Что вам мешает? Совесть? Так совесть – это пар. Из чего она состоит? Умрете – ничего не останется.

Как часто люди бессильны объяснить, что это за такой их таинственный властитель.

Важнейшее отличие психики человека и животного – сознание самого себя. А самосознание обрекает человека также и на самооценку. Совесть – это оценка себя по своим идеалам. Чистая совесть является одобрением себя и самоудовлетворением. Угрызение совести – это осуждение себя и недовольство собой. Вот почему совесть – точно судящий глаз, от которого человеку не скрыться, потому что это его собственный глаз. Нечистая совесть – мерзость в душе, но от нее для человека и весь мир темнеет, все радости отравлены. Человек с нечистой совестью делается злым и опасным для окружающих. Это неизбывное мучение и пробуждает потребность в *очищении совести* и покаянии – публичном признании в дурном для вымаливания прощения.

Вот отчего совесть – не пар, а мощный повелитель человека, на философском жаргоне, *императив*, заставляющий отказываться от собственной выгоды и даже идти на смерть.

Вульгаризаторы воображают, что человеком движет исключительно корысть. Однако согласится ли кто на предложение:

– Дадим тебе миллиарды; нет, не для твоей родни или друзей, а только тебе, но сначала тебя уьем?

А вот совесть заставляет человека даже жертвовать жизнью.

Аналогичные повелители человека – *стыд* и *гордость*, и по той же причине – они тоже самооценки, но по идеалам не только собственным, но и окружающих, “их глазами”.

Таким образом, нравственность начинается с красоты в душе. Этика вырастает из эстетического сознания человека, когда оно обращается на него самого.

П.3.6. Идеи практические и познавательные

Образ блага именуется идеей практической – для отличия от познавательной идеи. Познавательная идея, фактуальная или теоретическая, – это образ действительности, того, что существует в мире: каких-то фактов или законов.

Простенький пример. Закон Ньютона о всемирном тяготении есть идея познавательная, *теоретическая*, а проект инженера использовать гравитацию в какой-то машине есть идея практическая. Афиша кино-театра, извещающая об идущем в нем фильме, – это идея познаватель-

ная, *фактуальная*, а приглашение: “Девочки, идем в кино на этот фильм!” – есть идея практическая.

Практическая идея при своем возникновении *противоречит действительности*: может осуждать существующее и требовать или предлагать то, чего нет, за что ее величают критической и творческой, конструктивной или революционной. Более того, без такого противоречия практическая идея лишается смысла, как призыв ломиться в открытую дверь или цель жениться на своей жене.

Однако разлад идеалов с действительностью означает, что практические идеи *не копии* действительности. Откуда же они? Не потусторонние же? А ведь едва ли не большая часть идей в нашей голове – вовсе не размышления о сущности вещей, а всякие *грезы, мечты, идеалы, оценки, замыслы, планы*. Но в таком случае верна ли материалистическая теория, полагающая сознание *отражением* мира? Противоречие идеалов действительности возбуждает мистические восторги и принимается за опровержение материализма. И оно, действительно, опровергает упрощенный материализм, созерцательный и вульгарный.

Да, идеал – не копия действительности, а противоположен ей, но также и един с нею. Идеал – не пассивное, зеркальное отражение, а порождение и **изображение** *взаимоотношения и взаимодействия* человека с миром. А именно: *источник* идеала – зло, разлад действительности и необходимости, а сам идеал есть изобретение, *воображаемое разрешение* этого разлада, устранение зла, – и он предполагает действительность и ее познание как базу своего осуществления. Так, неурожай, разлад между потребностью в пище и ее нехваткой порождает всевозможные агротехнические и экономические проекты в сельском хозяйстве.

Открывается диалектика: зло ведет к идеалу, а его осуществление – к добру, которое, однако, раскалывается новым разладом с действительностью, новым злом, отрицанием старых идеалов и появлением новых идеалов – и так сначала.

Наша концепция ценности как отношение между миром и человеком с его необходимостью дает разрешение узловых проблем современной аксиологии. Например, антиномии объективности или субъективности ценностей. Ценность заключается вовсе *не* в объекте, как полагает натурализм, но и *не* в субъекте, как полагает феноменализм, а в объективных отношениях *между* объектом и субъектом, их ладах, разладах и их разрешении; поэтому ценность предмета определяется как его материальными свойствами, так и объективным положением и состоянием человека и меняется вместе с ним.

Идеалы являются **повелителями** человека, его императивами, – определяют его *волю*: побуждения, склонности, влечения, желания; поэтому-то восприятие идеалов бывает столь *эмоционально*. Однако причина императивности практических идей не в них самих, а в стоящих за ними *практических разладах* действительности и необходимости. Причем, сила устремления к идеалу пропорциональна остроте разлада. Чем мучительней болит язва, тем сильнее жажда исцеления.

Здесь же, в объективных истоках идеала, – объяснение, почему он волнует одних людей, но оставляет равнодушными других.

Но если ценности являются объективными необходимыми отношениями и повелителями воли и действий людей, то мы должны признать их определителями связи и жизни общества.

Кажется невероятно фантастическим факт, что ценностная детерминация общества до сих пор не была раскрыта – и человек в социологии предстает, если одухотворенным идеями, как в идеистических концепциях, то произвольным, точно пух на ветру, а если опричиненным, то какой-то бездуховной пешкой каких-то “общественных отношений” или “функций”; а в лучшем случае каким-то рассудочным мозгляком или игрушкой низких инстинктов.

.....

Фрагменты 4. Из П.4.2. **Обращение**

Обращение – это *движение продукции и функционального служения* между общественными подсистемами. Эти необходимые потоки и смыкают их друг с другом в единую систему:

Продуктное обращение принимает разные формы:

1. **Свободная передача** благ – в семье, среди друзей, влюбленных и благотворительность (филантропия и спонсорство).
2. **Вознаграждение** за служение, как в государстве.
3. **Социальное обеспечение** – по болезни, старости, безработице и т.п.
4. **Товарное обращение** – торговля; единое с ним –
5. **Денежное обращение**, финансы и банки – регуляторы связи отраслей и видов производства.

Вся жизнь людей поглощена регулированием материальных и духовных потоков. Производство по своей сущности является направлением природных потоков с целью образования из них благ. Транспорт есть перемещение благ к месту потребления. Еще более частное и индивидуальное движение благ образуют продуктное обращение, распределение, обмен, управление. Таким образом, в циркуляции благ и заключается жизнь общества.

Наиболее развитая форма продуктного обращения – это *экономика*, которую уместней рассмотреть дальше особо.

.....

II.4.3. Функции искусства. Катарсис

Прагматики склонны думать: вот выращивание хлеба или создание машин – это да, вещь необходимая, а художественное творчество – это пустое развлечение на досуге.

В самом деле, чем искусство нужно людям? – вопрос тысячелетних дискуссий.

Искусство в качестве изображения ценностного мировосприятия человека (II.2) выполняет необходимые функции:

1. Искусство служит средством *духовного общения* людей, передачи не просто мысли, как речь, но *всей полноты* нашего духовного состояния: образов восприятия и воображения, эмоций, мыслей, оценок, идеалов, желаний (II.3). Это особая коммуникативная функция искусства, ничем не заменимая. Иначе собственная душа человека нема, а чужая душа – потемки, – и люди духовно разобщены.

2. Искусство – средство *формирования* собственного *мировосприятия* человека, то есть его очищения от лишнего и обогащения недостающим, прояснения и понимания темного. Типичные образы искусства создают наше *образное знание* мира: хитрого афериста и простодушного крестьянина, надменного аристократа и льстивого чиновника, разочарованного пессимиста и радостного энтузиаста – всего быта и обычаев вместе с их оценкой. Ведь одно абстрактное знание не дает его соотнесения с окружающей действительностью.

3. Искусство служит для человека средством *сохранения* своего мировосприятия – как раз благодаря его воплощению в объективном изображении. Это мнемоническая или депозитная функция искусства. Без художественного закрепления мировосприятие остается летучим и неподвластным человеческой воле. Именно из этой потребно-

сти мы снова и снова в сотый раз слушаем ту же музыку, любуемся той же картиной, бормочем те же стихи,— хотя узнавать в них нам нечего, все заранее известно, просто нам хочется вернуть когда-то пережитое душевное состояние.

4. Искусство является средством духовного очищения — *катарсиса* — от духовного перенапряжения: тоски, отвращения, горя, страха и других подавляющих переживаний.

Да, искусство приносит *наслаждение*, но удивительное: в художественном изображении способно давать наслаждение то, что в жизни мучительно: картины опасностей, ужаса, горя, тоски и т.п. Люди растроганно поют печальную песню. На похоронах, когда их и без того давит горе, им почему-то нужны крестьянские плачи или траурные марши. Люди выходят из театра со слезами на глазах. Но говорят:

– Хорошо! Сильная вещь! Прекрасно! – И новые толпы валят на представление. Казалось бы, чего хорошего-то? Ведь плачут.

Как же объяснить этот парадокс? Мне думается, катарсис художественным произведением достигается благодаря содержащемуся в нем *ценностному отрицанию* безобразного: страданию от него, возмущению им, отвращению к нему, сочувствию, скорби, смеху и т.д.

Без такого катарсисного преодоления страдания человек в трудное время тоски и горя может просто сойти с ума и погибнуть. Искусство здесь оказывается важнее хлеба.

5. Искусство — *стимул* и *направитель поведения* людей. Такую *императивную* функцию оно обретает благодаря своим остальным свойствам: сообщения, формирования и сохранения мировосприятия и катарсиса.

Ни одно художественное изображение не в состоянии удовлетворить голод, возмущение или любовь, — ни одной практической потребности. Как бы ни были аппетитны яства, нарисованные на натюрморте, ими сыт не будешь. Как бы ни была прекрасна описанная в романе любовь, она не заменит реальной семьи. Но искусство возбуждает человеческие желания: любви, красоты, борьбы или отдыха,— а *идеалы* и *оценки*, существующие в нашем мировосприятии, как мы уже знаем, и есть то, что управляет нами.

Так, слыша знаменитые стихи Н. Заболоцкого:

Очарована, околдована,
С ветром в поле навеки повенчана,
Вся ты словно в доспехи закована,
Драгоценная ты, моя женщина...

какая женщина не проникается мечтой:

– Ах, как было бы славно, если б и меня кто-нибудь любил так, обнимал бы мои колени, от восторга плакал и бормотал стихи. Вот это любовь! Не то, что эти петухи...

А новые идеалы и цели меняют и реальные отношения влюбленных.

Пресловутое “*воспитательное значение*” художественного произведения возникает не потому, что художник морализирует, а является просто стороной его императивности. Искусство сеет в душе нравственность через образы прекрасного и отвергаемой мерзости. (П.3.5).

6. *Консолидационная* функция искусства. Искусство является средством создания единоклассников людей, коллективного переживания, – как магическая пляска племени перед охотой или в страшный 1941 год грозная песня А.Н.Александрова “Священная война”. А это духовное объединение людей служит условием следующей функции.

7. *Организационная* функция искусства – средства объединения усилий людей, больших масс, целых классов и народов.

Этим определяется социально-историческая роль искусства, подспудного катализатора общественных событий. . .

.....

Такой видится мне огромная, ничем не заменимая важность искусства в самом становлении и жизни людей.

Вот почему долгий отрыв человека от искусства ведет к его одиночанию, утрате души. Без искусства человек не может быть человеком, – так же, как без разума. Не случайно само антропологическое определение человека *homo sapiens* буквально означает как раз человек художественный, эстетический. Так антропологи стали именовать человеческих предков, когда рядом с их останками находили статуэтки, следы окраски охрой и другие признаки появления искусства.

Без искусства невозможен человек и рассыпается общество.

.....

Фрагменты 5. Из гл. III.1.1. Продуктные отношения

Почему рабочий бранится со своими товарищами, а из цеха не увольняется? Почему проклинает начальника, но подчиняется ему? Что *связывает* людей друг с другом?

О чем говорят факты совместной жизни конфликтующих? Очевидно, людей связывает что-то объективное, хотя невидимое. Что?

“Материальные отношения”? Но это слишком широкое понятие. Материальными являются и физическое действие, и химическое, и физиологическое: механический удар, половой акт, согревание матерью ребенка, защита от опасности; но подобные есть и у животных и не образуют общества.

По нецеситной теории, людей соединяет друг с другом в общество особый вид объективных отношений – *необходимость*, ее претворение – создание благ, производство и движение этих потребляемых благ между ними – обращение(II.4).

В обращении складываются отношения, которые мы договоримся называть продуктивными.

Продуктивные отношения есть *движение продукции* между людьми, необходимое им, *важное* для их *личного* потребления. Таково (в генетической последовательности), например, дарение или ограбление, дань, то есть ограбление, систематизированное каким-нибудь древним рэкетиrom – князем; затем – налог – государственная дань; оброк; барщина; товарообмен; прибыль; зарплата, собственность и т.п.

То, что Маркс и Энгельс иногда именовали “экономическими отношениями”, по содержанию употребления слова относится как раз к обращению благ (*Verkehr*): распределению и обмену, – но сущность их осталась ими невыясненной, а название поэтому неудачным, анахроническим. Продуктивные отношения шире экономических: денежные отношения между людьми не всегда были и, надо полагать, не всегда будут, но продуктивные отношения – всегда.

В понимании хотя бы той же собственности юридическое оформление они выдают за основу практического: будто не “право” определяется практическими отношениями, а практика определяется “правом”. Материализм здесь превращается в идеизм – классовый интерес бюрократии не позволяет ей взглянуть глубже, потому что такой взгляд исключает ее власть.

Какова типология продуктивных отношений?

Видимо, самым элементарным и поэтому исходным актом движения благ является их **передача**: *даяние* и *получение*, одностороннее движение блага между двумя агентами, от *благо-*

дателя к получателю. Более сложным видом является **распределение** – раздача благ между многими получателями.

Двусторонняя взаимная передача благ: ты – мне, я – тебе, – называется **обменом**, меновым отношением. Обмен означает соединение давания и получения в каждом агенте, давание при получении.

.....

Совокупность благопередач в обществе, а в итоге совокупность обменов, пусть опосредствующих, – можно назвать обращением благ или **продуктным обращением**, – понятие более широкое, чем товарное обращение, его частная форма. Степень развития обращения в обществе, – длина обменных цепей может быть различной.

Обращение обеспечивает единство производства и потребления да и *соединение всего общества*.

.....

... содержание продуктных отношений порождают два их основных необходимых закона:

1. Закон **необходимой полноты** (сопряженности, комплектарности) социальных элементов, его частная модификация – закон дополнения, его сторона – зависимость и его проявление – обмен.

2. Закон **замен** (субституций).

Возможности и необходимости дополнения и замены социальных элементов и кристаллизуют социальные системы во всех их вариантах и вариациях.

III.1.2. Закон полноты

Он заключается в следующем: необходимые блага – как в производстве, так и в потреблении – образуют *системы*, где каждый элемент обусловлен всеми остальными, а вместе они выступают *целостными комплексами* (наборами) благ, **дополняющих** друг друга (сопряженных) и никчемных без любого из компонентов. Так, мука бесполезна без воды, металл – без кузницы, станков или других средств его обработки; ткацкий станок – хлам, если нет хлопка или другого волокнозаменивателя, и, наоборот, волокно – хлам без ткацкого станка и т.д. Но и люди с определенными знаниями, навыками и другими способностями сами являются не-

обходимым компонентом этой системы производства – потребления, без которых она замирает и распадается.

Закон полноты имеет два возможных проявления:

1. *Внутренняя полнота* социального элемента – обеспеченность всего необходимого комплекса благ внутри себя, самодовлетворение, самодостаточность, автаркия. Такой в известной мере является первобытная община или хозяйство феодального крестьянина.

2. *Внутренняя неполнота* социального элемента (самонедостаточность). Так, мужчина неполон без женщины, а женщина – без мужчины; сапожник неполон без пирожника, а пирожник – без сапожника; металлургия остановится без продукции угольных шахт и рудников, а машиностроение – без поставок от металлургов и т.д.

III.1.3. Закон дополнения

Внутренняя неполнота социального элемента создает необходимость его внешнего дополнения – получения откуда-то извне недостающих благ. Так, в частности, функциональное разделение общественно необходимой деятельности приводит к разделению также и ее продукции – благ между создателями; тогда как необходимое для потребления каждого человека наоборот комплексно. Булки, рубашки, инструменты создают разные люди, но потребляются каждым человеком они *вместе*.

Таким образом, функциональное разделение делает человека потребительски неполным и тем самым вызывает необходимость его дополнения до необходимой полноты.

III.1.4. Зависимость и автаркия

Потребительская неполнота человека и создаваемая ею необходимость дополнения проявляется в законе его зависимости от источника благ. **Зависимость** – это **материальное отношение живого с внешним источником благ, без которого оно не может существовать**. Таким образом, зависимость – одна из сторон необходимости. Тот, кто зависит (клиент), есть субъект зависимости. Источник необходимых благ – объект зависимости. Но может быть зависимость обоюдная, взаимная, когда каждый является и субъектом зависимости и ее объектом для другого. Так обоюдна зависимость мужчины и женщины.

Во всем живом и тем более в обществе зависимость совсем не та, что в математических функциях классической физики: $b=f(a)$, где они относятся к каким угодно связям объектов, гравитационным, электри-

ческим, сильным, слабым, химическим, механическим: изменение некой величины *a* неизменно вызывает определенное изменение величины *b*. Поэтому применение математических функций в социологии Парсонса – чаще всего метафорическая ошибка. Людей соединяет зависимость, создаваемая необходимостью.

Зависимость в широком смысле является отношением следствия к своим причинам и условиям. Применительно к живому зависимость создается *тоже причинностью*, но не каким-то непосредственным физическим действием причины, а *необходимостью* для живого каких-то благ, являющихся его внешними условиями.

Зависимость подобна незримой пуповине, которая питает человека, а ее разрыв его губит. Порвать зависимости можно только с достаточно быстрой их заменой другими. Иначе – гибель.

Зависимости людей обретают новое надбиологическое качество. Их можно подразделить на три основных вида:

1. Зависимость от **природы**:

а) *физиологическая*: от воздуха, воды, солнечного света, гравитации, растений, животных и т.д. Сила этих связей особенно резко открывается при изменениях природы: ураганах, землетрясениях, наводнениях и т.д., но именно потому, что эти связи существуют всегда;

б) *производственная* зависимость от природы – через средства труда. Долгий опыт убедил древних землепашцев в зависимости их урожая – источника их жизни и смерти – от солнца и дождя и обратил их к поклонению им – Яриле и Перуну.

2. Зависимость от **средств производства** потребляемых благ: орудий, машин, материалов и т.д. – *производственная зависимость*. И от производственных средств зависит не только использующий их работник, но и владеющий ими собственник.

Завод в карман не положишь. Он так и работает в обществе. Поэтому не только капиталист владеет капиталом, но и капитал владеет капиталистом: давит на него тяжестью ответственности, риска, заботами и принуждает его подчиняться законам своего расширенного воспроизводства, – посредством необходимости делает невольником вещей. Эту власть вещей над людьми выразительно итожит немецкая пословица: кто владеет, тот им одержим (*wer besitzt, wird besessen*).

3. Зависимость от **людей**, обусловленная разделением людей, как физиологическим: невозможность друг без друга родителей и детей, так и разделением производственной и другой необходимой деятельности – *общественная зависимость*. Ребенок зависит от своих кормильцев – родителей, а родитель, который боится потерять любовь

своего дитяти, не может ни в чем ему отказать и становится рабом своего капризного деспота. Завод зависит от поставщика и от покупателя. Рабочий зависит от работодателя, потому что живет на получаемую от него зарплату. Хозяин не зависит от отдельных рабочих, потому что может каждого заменить, но зависит от их всех вместе. Зависят друг от друга должники и кредиторы.

Зависимости – это и есть *материальные* общественные **связи** людей.

Вследствие комплексности потребления разделение функций соединяет функционеров. И здесь диалектика: разделение людей их соединяет; полюса едины. И чем глубже функциональное разделение необходимой деятельности, тем больше неполнота каждого из людей в отдельности и тем шире их взаимная зависимость.

Увы, человек никогда не бывает полностью свободен от зависимости – то ли от природы, то ли от людей. Однако вполне возможна относительная *самодостаточность* (*автаркия*) – относительно каких-то одних источников благ – благодаря наличию других источников, и она дает человеку относительную независимость, проявляющуюся в его характере, мыслях, поведении. Состоятельные люди, располагающие личными средствами, поступая на государственную службу, могут быть прямодушными и непреклонными с начальством и в знак протеста швырнуть на стол заявление об отставке. Чиновники, живущие исключительно на окладе, да еще у государства – монопольного работодателя, не могут позволить себе такую роскошь, – и нравы среди них устанавливаются гадкие. Они могут отвращаться, презирать и ненавидеть друг друга, сторониться, интриговать, обливать одного грязью и оскорблять, но служить вместе и даже ласково улыбаться друг другу.

III.1.5. **Обмен и его виды**

Взаимное дополнение – получение комплектарно необходимых благ от других обычно осуществляется посредством обмена. По своему предмету есть три вида обмена.

1. **Содействие** – обмен действия на действие. Однако поскольку действия неотделимы от действующего, обмен ими превращается в совместную деятельность: содействие, партнерство, – разного уровня, от обмена любезностями до взаимной помощи, дружбы, любви, обучения, сотрудничества, сорабничества.

Временное содействие называют *помощью* или *услугой*. Постоянное, длительное содействие – это *кооперация* – в широком смысле со-

единения разных действий с одной целью с разным уровнем глубины и широты – от координации до семьи и организации. Подробнее о них – дальше.

Содействующих друг другу людей называют *партнерами*: таковы влюбленные, супруги, родители и дети, в развлечениях – приятели, эпизодические партнеры – помощники, постоянные партнеры по общему делу – коллеги, в политике – товарищи и союзники, в коммерции – компаньоны, акционеры, в школе – учителя и ученики, в идеологии – единомышленники, сторонники и последователи и т.д. – разнообразие их огромно – соответственно формам общественной деятельности.

2. **Служение** – обмен *действия* на *вещь*. Подразумевается, что и действие, и вещь являются необходимым благом. Постоянный обмен действий на получение благ и называют служением или *наймом*. Служба порождает подчинение распорядителю благ – благодателю, становящемуся властью. В служении деятельность стимулируется *санкциями*, – так сказать, дерганьем пуповины зависимости: *наградами* (благодаяния, ордена, чины, привилегии, премии и другие поощрения) и *наказаниями* (от ущемлений, штрафов и других лишений благ до причинения вреда и насилия). Но, как видим, вопреки Д. Хомансу и П. М. Блау – обмен может вовсе и не быть “наградой” и “наказанием”: их нет ни в кооперации, ни в торговле.

3. **Торговля** – обмен *вещи* на *вещь* или *услугу* – разовое или многократное действие, товарообмен. Товарно-денежный обмен отличается соединением давания с получением и соизмерением их на эквивалентность, отчего давание превращается в *продажу*, получение – в *куплю*, партнеры – в продавцов и покупателей, поставщиков и клиентов.

Обмен является связующим действием, или связью людей. Взаимное дополнение посредством получения благ означает взаимное удовлетворение потребностей, а тем самым создает общий интерес (совпадение интересов) и взаимную симпатию: благодарность, сочувствие, солидарность, дружбу и т.д. – до сотрудничества.

III.1.6. **Общественные связи**

Общественное разделение труда является основой общественного соединения – это великая идея Смита - Дюркгейма, хотя ни они, ни их современные последователи не раскрыли ее внутренний нецеситный механизм и сами недооценили всей ее фундаментальности, не проследив ее следствия; не вывели из нее, а лишь внешне присовокупили к

функциональной социальной интеграции связь коммуникативную, нормативную, культурную.

Позитивистская социология почитает верхом научной строгости отринуть невидимые сущности и заняться фактами наблюдаемыми: человеческими контактами и взаимодействиями – “интерактами”, вроде утренней покупки газеты у киоскера или разговора “за жизнь” с попутчиками в вагонном купе, а причины контактов прослеживаются не дальше духовных: интересов или норм. И поныне в ходу столетней давности (1887 г.), идущее от Ф.Тенниса (с.59-66) понимание “социальной связи” как сентиментального чувства близости, например, родства, соседства, соплеменности и другой подобной “общности” (Gemeinschaft) или рационального расчета целей при совпадении интересов (“взаимоудовлетворяющей воли”) “общества” (Gesellschaft).

Действительное объяснение социальных связей заключается в продуктивных отношениях, их необходимых законах полноты и дополнения, их проявлении в зависимости и обмене действиями и вещами – благами, а также в законе замен. Социальные связи основаны на зависимости, а зависимость может быть даже без непосредственных контактов; сплошь и рядом люди зависят от того, кого видели разве что на портрете или вовсе никогда не видели.

Зависимости прозрачны и проницаемы, точно пустота, но пренебрежение ими причиняет страдание, точно они из стали, а в итоге – гибель.

Именно материальные, но незримые зависимости обуславливают и духовные, и зримые практические общественные отношения: сердечные привязанности и антипатии, расчетливые интересы, контакты – взаимодействия, так же как нормы обихода, обязанности, обряды, власть, договоры, организации. Каждый человек завязан в сети природных, производственных и общественных зависимостей.

Подобно тому, как в физике гравитационные, электрические, сильные и слабые взаимодействия составляют основные связи физических частиц, порождающие необъятное разнообразие физических явлений, так в обществе основной связью людей является зависимость. Подобно тому, как валентность химических связей соединяет атомы в возможные для них молекулы и порождает их свойства, так зависимости связывают из людей кружево общества.

Зависимость – материальная скрепа всего общества. Зависимости конструируют необходимый каркас общества, к которому привязана свобода его людей.

III.1.7. **Функции**

Общественный обмен как отношение имеет две противоположные, но единые стороны – функцию и узус.

Понятие функции социология взяла из биологии и понимает ее по аналогии с разделением функций между органами в организмах: функция дыхания, пищеварения, передвижения и т.д.. Но дело в том, что сама-то биология понятие функции взяла из идеи общественного разделения труда, которая восходит еще к античности и поднята А.Смитом, введшим самый термин “разделение труда”. Хотя он и ограничивал его материальным производством, так же как впоследствии Дюркгейм (1900, с.2), П.Шмоллер (с.217, 222, 248) и мн. др. Таким образом, остается одна реальность: и там, и здесь, и в мире живого, и в мире общества есть свое разделение функций.

И биологическая аналогия заводит органицистов очень далеко, иногда даже до выводов о природной неравноценности людей ...

.....

Никакого однонаправленного исторического закона исключительно возрастания разделения труда нет. Обычно считается, что в первобытном обществе разделение труда почти отсутствовало. На самом деле, уже загонная охота требовала разделения и координации усилий и половозрастное разделение и координация усилий существовали изначально. В наше время мы идем в таком направлении, что кажется, скоро в поликлинике в одном кабинете будет принимать отоларинголог по левому уху, а в соседнем кабинете отоларинголог по правому уху. Однако уже теперь электронная технологическая революция начинает уменьшать специализацию, требуя от всех более универсальной подготовки.

Перенос физиологического термина функция на общество подразумевает, что у общества в целом тоже есть какие-то потребности и цели, – надындивидуальные. Семья, школа, завод, учреждение и все общество мыслятся какими-то особыми одухотворенными существами. Такие телеологические понятия “системных потребностей”, “саморегуляции”, “функциональных императивов” и т.п. стали обычными не только у функционалистов, но и у М.Вебера, В.Парето и других социологов самых разных направлений.

Сверх того, эта социология страдает причудливой многозначностью употребления слова “функция”, на что сетует даже наиболее критичный Р.К.Мертон: тут и математическая зависимость, и профес-

сия, и специализация, и круг обязанностей должностного лица, и назначение, например, полиции, обычая или религии (с.84-85, 95, 99).

Наша нецелостная социология источник функций видит в необходимых законах продуктивных отношений: полноты и дополнения и их проявления в обмене.

Необходимые соединения людей создаются разделением необходимого целого, разделением общественно необходимой деятельности между людьми, специализацией каждого отдельного деятеля.

Функцией и называется *частичная* социальная деятельность, результаты которой **необходимы для целого** (П.1), следовательно, идут *другим* людям, – обычно с предвидением и преднамеренностью таких последствий, их *назначением* (выражение “значение” здесь неточно).

Поэтому вернее говорить о разделении не труда только, а о функциональном разделении.

В обществе разделение охватывает *всю* общественно необходимую деятельность: семью и весь быт, хозяйство, культуру, торговлю, управление (распорядительные и исполнительные функции должностных лиц), идеологию, религию.

Соединение в одном лице всевозможных видов деятельности на современном уровне просто невозможно.

Функциональная дифференциация общества определяется его технологическими, природными и социальными условиями, а физиологические и психологические особенности людей при этом только используются и приспособляются. Поэтому-то функциональное разделение исторически и географически меняется.

. . . . .

Что говорить, понятие “функции” вместо “значения”, анализ последствий каждого действия для целого, конечно, конкретнее, ведет к системности рассмотрения общества и эвристически плодотворно. Но поскольку материальное содержание понятия функции не раскрыто, получают довольно поверхностные тавтологии и формальные абстрактные схемы без установления ее границ.

Поиски повсюду функции – сильное преувеличение функционализма. В обществе, – всё, оказывается, выполняет какую-то функцию, удовлетворяет какие-то потребности.

Даже скептический Мертон не сомневается в ее универсальности, а где не находит преднамеренности действующего, там тем не менее

предполагает какую-то скрытую (“латентную”) функцию, неожиданно для себя приходя к апологии всего на свете.

III.1.8. Узусы и обиход

Очевидно, в воспитании детей, на работе, в искусстве, в бизнесе человек может выполнять какие-то функции (хотя далеко не всегда это делает), но корректно ли допустить, что питаться, спать, воровать, драться, плакать, радоваться – это общественные функции человека? Неужели кушать ананас или отвесить оплеуху обидчику – наша функция? Какая может быть функция у рабовладельцев или феодалов? Защита страны от грабежей? Но от их-то междоусобных войн страны и опустошаются. Изображение людской жизни явно перемудренное.

Производство потому и является функцией, что имеет целью потребление. *Потребление* же, хотя связано с производством и другими общественными делами, но само **не** является функцией, – так же, как и многие другие области общественной жизни.

Несомненно наличие разделения деятельности внутри политических организаций, но говорить о функциях в политической жизни приходится с большой осторожностью, уже потому что политическая жизнь – *не система*, а процесс и образование, где у разных его течений и тем более у отдельных деятелей цели свои, разные, и вследствие их столкновения сплошь и рядом получается то, чего никто не желает. Одно дело говорить о функции школы, полиции, церкви, банка и других учреждений, созданных намеренно, с известной общественной целью; да и то реальные последствия их деятельности могут не совпадать с предназначением, как у Госплана, учрежденного для сбалансирования народного хозяйства, но создавшего дисбалансирование. Но какая может быть общественная функция у патриархального автаркного крестьянского хозяйства? Оно не имеет внешних экономических связей и ни в какую общественную систему не входит, кроме политической организации феодализма. Получается мудрость незабвенного Кандида: крестьяне существуют для того, чтобы их обирали бароны, – заурядная телеология.

Еще нелепее искать функцию во всех новациях или в консерватизме, в разбое или войнах. Переименование их в “дисфункции” – не выход; оно лишь привносит авторскую оценку: “плохая функция”, не полезная, не способствующая выживанию целого; таким образом, все и не функция. По-моему, не избавляет от замаскированной телеологии также и отчаянная попытка Н.Лумана переименовать функцию

в “регулятивную роль в системе” (не говоря уж о том, что производство – это не регулирование, а производство).

.....

Соответственно общественные действия – **занятия** – распадаются на две единые противоположности: функциональные – **функции** и потребительные – **употребления**.

Занятия, необходимые общественно, – это функции, а человек, их выполняющий, – функционер: муж, жена, школьник, слесарь, ученый, продавец, полицейский.

Занятия, необходимые лично, – это *употребления*; формы употребления, вошедшие в обычай и норму, назовем **узусом** (от лат. usus – употребление или его обычай, правило).

Разумеется, в случае самообеспечения функции и употребления сливаются, например, в автаркном крестьянском хозяйстве, хотя какое-то разделение их остается даже там.

Сами люди, находящиеся в положении употребления, обставленном соответствующим узусом, являются его получателями (*потребителями*, если угодно, *узерами*): влюбленный, ребенок, ученик, зритель, читатель, пациент, покупатель, который в свою очередь в зависимости от характера покупки и употребления может быть арендатор, съемщик, пассажир, клиент и т.д.

Как видим, в некоторых случаях функционер и получатель – узер могут совпадать в одном лице. Так, супруг одновременно и дает, и получает; ученик получает знания, но тем самым создает из себя образованного человека, какой необходим обществу.

В употреблении меняющиеся пересечения продуктивных отношений образуют *потребительные (узусные) ситуации*: визит в магазин, ателье, кафе, поездка в метро, в самолете, посещение театра, библиотеки и т.д. Но потребительными эти ситуации являются для получателя. В обществе же функциональная и потребительная ситуации соединены. То, что для продавца является ситуацией функциональной, то для покупателя – потребительной.

Сторону потребителя в этом узле зависимостей и продуктивных отношений, пожалуй, точнее будет называть не положением и тем более, конечно, уже не “*ролью*”, а позицией, *потребительной* обиходной **позицией**, или тем же узусом, поскольку это исходное положение занято человеком намеренно, возможно, с выбором и временно, и оно определяет его точку зрения, оценки и способ (узус) действий, так же

как и способ действий функционеров по отношению к нему. Такова позиция клиента, пациента, пассажира, зрителя, невесты, жениха, заказчика и т.д..

Таким образом, как разделяется общественно необходимая деятельность – функционально, так разделяется и общественная потребительная деятельность – на потребительные позиции – узусы.

Система узусов, существующая в обществе, образует то, что в литературном языке давно именуют *обиходом*.

Но позиции существуют не только потребительные, но еще и политические. Едва ли приход заявителя в какое-то административное ведомство или попадание в полицию – это “потребление”, да и обиходом это назвать можно разве что в бюрократизированном обществе.

III.1.9. Причины функций и узусов

Для каждой функциональной и потребительной позиции складываются свои **обыкновения** – комплекс норм поведения. Но какую именно функциональную или потребительную позицию может занять человек и какому именно комплексу норм будет следовать (“играть роль”), это определяется не его желанием, а его материальным общественным положением. Всякая *деятельность направляется* теми зависимостями и движениями благ, которые свойственны общественному положению и ситуации действующего.

Воображать общество сконструированным из взаимодействий или их языковых отражений кажется по-позитивистски крайне эмпирическим, но в действительности упускает из виду эти вещные отношения, – почву, на которой живут и действуют люди. Людей связывают вовсе не “взаимные ожидания” и не разговоры, и даже не действия, а объективные отношения, которые определяют и ожидания, и разговоры, и действия партнеров или соперников.

И функционер, и получатель - узер не “роль” играют (“изображают”), а реально являются таковыми, выступают в своем социальном качестве. Причем в нескольких качествах сразу. Молодой человек по отношению к своим родителям – сын, по отношению к жене – муж, по отношению к своему ребенку – отец, в цехе – рабочий, в магазине – покупатель, в поезде – пассажир, по отношению к полицейскому – гражданин и т.д.

И все это объективные положения и позиции в продуктных отношениях, которые не зависят от его “игры”. Даже вздумай он отпираться от своей функции и узуса, скажем, от своего отцовства по отношению к ребенку или в магазине не платить за товар, как положено по-

купателю, ему их вменит суд. Нарушения этих функций и узусов рассматриваются обществом как *преступление*: обман, афера, воровство и т.д.– и преследуются морально и уголовно. И в такую печальную ситуацию мошенника рискует угодить тот, кто всерьез поверит ролевой “теорией” *Линтона* и *Мида* и вздумает по произволу “играть” любые “роли”, превратить функцию и узус в роль.

Термин “роль” придает человеческой жизни вид не реальности, а театрального спектакля. Если девочка вздумает важничать, как мама, она, действительно, будет играть “роль”, вызывая улыбки окружающих, но “роль” получится как раз потому, что ее поведение противоречит ее реальному общественному положению.

Подобающее же поведение, соответствующее нормам, называть ролью можно лишь метафорически. Даже внешне они различны: каждой роли сценарий предписывает единственные реплики и поступки, независимые от воли актера, а обычай чаще всего предполагает множество вариантов, к тому же меняющихся в зависимости от ситуации, объективного положения человека, функционального и узусного, и от его осознания. Но главное отличие обычая – его объективная детерминированность.

Как встарь Аристотель, так ныне Э.Дюркгейм, Б. К. Малиновский, А.Р. Радклафф-Браун противопоставляют *причинное* и *функциональное* (целевое) объяснения.

Теория необходимости раскрывает единство причины и функции и тем самым освобождает от телеологии. Как мы видим, необходимость является тем, что определяет и сохраняет независимые от нашего желания социальные законы жизни как человека, так и всего общества. Но по самой своей сущности объективного материального отношения, без которого человек не может существовать, – необходимость сама детерминирована природными законами, действующими в человеке: законами физики, химии, биологии, психологии. Необходимость является порождением *причинной* связи человека с миром.

Таким образом, необходимость как раз есть то, что связывает *природу* и *общество*, тот человеческий закон, который, однако, вырос из природных законов и содержит их в себе превзойденными.

Цель может существовать у высших организмов, но не у их органов. В печени нет цели, а есть процессы, необходимые организму, – функции. Аналогично и общественные функции являются *нетелеологическими*. Цели есть у людей, но объединения людей, как и общество в целом, какой-то собственной цели, отличной от целей составляющих их людей, не имеют.

Хотя обыденное сознание приписывает государствам, партиям, предприятиям, фирмам и другим сообществам какие-то *цели*; да и сами они полагают себе и провозглашают какие-то цели, обычно самые распрекрасные. И часто искренне. Но у сообществ целей нет. У каждого его члена цель может быть, но своя и *разная*. И что удивительного? Сообщество образовано из людей, но само сообщество – не живое существо.

Такую общую цель не всегда можно вывести из сложения частных целей, потому что цели людей различны и тогда в соединении гасят друг друга, к тому же часто несбыточны и ведут к сюрпризам. Но у общественных систем есть необходимость, объективное отношение с миром, без которого они погибают, и таким образом у их компонентов есть функции.

Сама *цель* человека является осознанием необходимости. Однако человек в состоянии осознавать необходимое не только для себя, но и для своих систем и, поскольку он связан с ними необходимостью, оно становится *его* целью, которую он, однако, сплошь и рядом мыслит целью системы, – вот такая *проекция своей цели* на свои создания и в итоге их одушевление составляет механизм *телеологической иллюзии* функционализма.

Фрагменты 6. Из гл. **III.2. Продуктные розни**

.....

III.2.1. Проблема конфликта

Теория конфликта – одна из наименее разработанных в социологии, должно быть, из идеологической неприязни к самому явлению конфликта. Функционалисты вообще видят в нем дестабилизатор общества.

Больше всех конфликтами интересовался марксизм, в особенности классовая и политическая борьбой, усматривая в ней свой путь к власти в предстоящей революции, а потому истинное содержание истории и источник прогресса, преуменьшая роль общих интересов, компромиссов и сотрудничества.

Причиной общественных конфликтов марксизм считает противоречия между производительными силами и “производственными отношениями” или эксплуатацию – присвоение прибавочной продукции. Подход глубокий, часто это, несомненно, так, но он мало что дает в анализе конкретных конфликтов в семье, в искусстве, в партиях, да и

даже нередко на материальном производстве. Вот поссорились влюбленные или супруги. Ну, причем здесь производительные силы и производственные отношения? Или спорят два художественных или научных направления? От всей глубины остается самое банальное: причина людских раздоров заключается в противоречии их интересов. Кто станет с этим спорить? Но ограничение интересами – уровень идеизма. А где ответ: чем вызывается само противоречие интересов в материальном мире?

Г.Спенсер, М.Вебер, У.Самнер, Л.Гумплович, Ф.Теннис, Л. Ф. Уорд, Т. Веблен, Ф.Гидденс, Т.Б. Боттомор, Р.Парк, Э. Берджесс и многие другие известные социологи трактуют конфликт с позиций натурализма и социал-дарвинизма как “борьбу за существование” (*struggle for life*) в социальном отборе, приходя фактически к апологии общественной вражды или, в лучшем случае, к ее простой констатации и сравнению ее с биологией, но не раскрывая ее причин.

Но сегодня более распространен другой подход к пониманию общественных противоречий, так сказать, *культурологический*: Л. Козер, А.Турен, Р. Дарендорф, К.Боулдинг и другие сводят объективные общественные противоречия к их зримым проявлениям в действиях – к “конфликтам”, но трактуют их как явления психологические, вызываемые всего лишь различиями групповых норм и ожиданий – “социальных институтов”, а также идеалов, целей и других ценностей. Действительно, ссора супругов или художников может быть вызвана их разным пониманием норм, но в чем причина самого различия норм? В эти-то материальные причины они отказываются углубляться, разве что упоминая “перераспределение доходов”.

Функционалисты вообще третируют общественные коллизии как “дисфункции”, “девиации”, или “аномии” – временные отклонения от норм и нормального состояния – “согласия”, “стабильности”, “порядка” с его “функциями”. Таковы взгляды Э. Дюркгейма, Т. Шибутани, Э.Тирикьяна и других. Аналогично поздний Н. Бухарин причину «социальных противоречий» искал в нарушении «*равновесия*» общества (с.74). Но ведь даже “равновесие” между силами людских масс подразумевает противоположность их интересов, а это уже и есть противоречие в одном из его состояний. Таким образом, механистическая аналогия с “неравновесием” создает лишь видимость объяснения.

Так мы здесь уже отмечали, нередко Л.Козер, П.Блау и другие авторы причину усматривают в экономическом *неравенстве* распределения. Недовольство материальным неравенством среди бедноты, конечно, существует; но ведь не всегда; можно найти сколько угодно

фактов, когда имущественное неравенство не возбуждает враждебности. В конце концов, даже мелкопоместный дворянин не равен состоятельному графу, а тот – царю; даже миллионер беднее миллиардера, и они, случается, этим недовольны, но вовсе не обязательно конфликтуют, наоборот, чаще бывают довольны своей долей и солидарно ее берегут.

Р.Дарендорф предложил в объяснение общественных коллизий разделение труда. Это уж вообще в факты не влазит.

Таким образом, как ни удивительно, но это мрачное явление, которое так отравляет жизнь, – людская вражда остается в социологии таинственной.

Нецеситная социология глубинный источник конфликтов между людьми открывает во втором основном типе продуктивных отношений и их законе замен (III.1).

III.2.2. Закон замен

Закон замены (субституции) благ – вещей или людей в необходимой деятельности заключается в следующем: в необходимом полном комплексе благ, помимо его дополнения недостающими, происходит также **замена** каких-то из его компонентов на другие – вследствие *истощения* прежних благ или *появления лучших*, более эффективных **заменителей** (субститутов).

Такова замена друга или супруга, домов или одежды, пищи и утвари, станков, транспорта и т.д..

Виды замены по ее предмету:

1. Замена *действия*, – одного способа действия другим способом, выполняющим ту же функцию, но хуже или лучше. Таковы изменения технологии – принципов работы средств производства, замена сырья и материалов, работников с другой квалификацией и психологией. Но такие замены происходят не только в хозяйстве, но и в быту, культуре, обращении, управлении, государстве – и могут принуждать к замене и самих деятелей – функционеров, если прежние не способны на новый способ.

2. Замена *человека* – функционера или узера. Такие замены происходят в семьях, клубах, мастерских, цехах, магазинах, банках, школах, оркестрах, компаниях и всех сообществах.

3. Замена *вещи* – производимых и потребляемых благ, обновление продукции.

Если, как мы видели, отношения взаимного дополнения соединяют людей, то отношения замещения их расталкивают, в особенности

замещения людей. Замена человека другим означает *притязание их обоих на одни и те же функции и блага*, тем самым исключение одного из них из общественного узла продуктивных отношений из системы необходимых ему связей, следовательно, *лишение* заменяемого необходимых ему благ и оттого возможность его *гибели*, по крайней мере в прежнем социальном качестве и является общим *источником вражды и конфликтов* между людьми.

Заменные розни, (субституционные) взаимоисключения людей – возникают не из чьих-то злых намерений, не потому, что какие-то люди плохи или хороши, а существуют объективно как материальные отношения, обусловленные свойствами вещей, действий и людей и независимо от желаний субститутов.

Замена человека бывает полной – вплоть до гибели вытесненного – отношения *антагонизма*, а может быть частичной или с его переключением на другую функцию, худшую или лучшую.

Но несмотря на вызываемые розни и сопротивления, замены благ и людей осуществляются, потому что к ним толкает их выгода заменяющим и сила необходимости разрешить разлад между действительностью и необходимостью.

Заменные розни *психологически* проявляется во взаимоисключении целей – противоречии *интересов* и вражде (антипатии): ревности, зависти и всякой другой недоброжелательности.

Ревность есть неприязнь, но не к дурному, как бывает обычно, а наоборот, к чужим достоинствам. Это кажется странным, и причина этой странной неприязни – общественные Разлады, порождающие боязнь утратить какие-то свои преимущества. *Зависть* – это тоже неприязнь к чужим достоинствам, но несколько по другой причине – из сознания собственной обделенности, как говорят психологи, из “комплекса неполноценности”. Ревнует красавица к красавице, а завидует некрасавица красавице. Но ревность и зависть бывает вовсе не только в любви, но и в учебе, и в спорте, и в науке – всюду.

Но на уровне *деятельности* заменяющая рознь порождает раздоры: конфликт и борьбу – всевозможных способов – средств: спор, брань, критика, вредительство, козни, интриги, разорение и т.д. вплоть до драк, восстаний, войн и других насилий.

По содержанию замещения борьба бывает двух видов:

1. В обществе, основанном на служении – обмене на благо действий – борьба есть *соперничество* – исключение из функционального или потребительского положения непосредственно человека – действителя.

2. В меновом (торговом) обществе борьба замены есть *конкуренция* – замена в употреблении продукции, удовлетворяющей той же цели, а уже посредством этого и деятелей – производителей продукции.

Соответственно и противников – заместителей именуют соперниками или конкурентами.

Розни социальной замены возникают *всюду*: в любви, в семье, в отношениях с соседями, с партнерами и коллегами, в торговле, в политике, в управлении, искусстве, науке. Эта злая сторона людской жизни и ее драматические законы показывают, насколько односторонне и апологетично желание Дюркгейма, Вебера или Парсонса видеть в социальной интеграции исключительно только всеобщую функциональность и солидарность, а вражду относить всего лишь к неким отклонениям от функции и нормы, к дисфункциям и аномиям.

Нелепо представлять общественные розни *механическим* неравновесием или расталкиванием, какое известно в физике. Едва ли кто крепче вцепляется друг в друга, чем враги, потому что они оба притягивают занять одну и ту же общественную нишу и вытеснить из нее другого. Вот причина, почему людская вражда может доходить до такого безумного ожесточения, что враги оба гибнут в ней, обнявшись, точно братья.

III.2.3. Единство обменов и замен

Реально во многих обстоятельствах взаимное дополнение и взаимное исключение переплетаются.

Сотрудничество сплошь и рядом переходит в конкуренцию соотрудников, а *конкуренция* означает невольное сотрудничество конкурентов в усовершенствовании результата. Любой товарообмен заключает в себе как кооперацию специализированных и потому необходимо дополняющих друг друга производителей, так и их раздор в стремлении меньше отдать – больше получить. Между работником и работодателем обычно существует и общая выгода производства, и вражда в делении дохода на зарплату и прибыль. А попытка заменить рыночную конкуренцию полной гармонией – государственной монополией обернулась еще более острым раздором между бюрократией и народом. Увы, общество образуется как из взаимного дополнения – обмена, так и взаимного вытеснения – замены.

Не эта ли соединенность в жизни обмена и замен, благодеяний и благоотнятий порождает в человеческой душе тот разрыв между одновременными противоположными чувствами удовольствия и страдания, любви и ненависти, который впервые так глубоко описал Досто-

евский, а швейцарский психиатр Э. Блейлер окрестил раздвоением личности или *амбивалентностью*, предполагая, однако, в ней нечто ненормальное и даже содержание шизофрении?

III.2.4. **Насилие**

Соединение дополнения – обмена и вытеснения – замены порождает такое явление как социальное насилие. Почва насилия – особый вид зависимости, **односторонняя зависимость**, такая, когда человеку от другого что-то нужно, но он сам и его деятельность не нужны, так что ничего необходимого другим он взамен предложить не может. Односторонне зависимому остается либо погибнуть, либо заменить взаимовыгодный обмен насилием – отнять чужие блага силой, – грабёж, завоевание, угнетение. Иначе говоря, для односторонне зависимых возникает необходимость в насилии и паразитизме – эксплуатации, осуществляемой посредством организации, построенной на *служении* – обмене действий служилого на благодания.

Отношения жертвы насилия с насильником тоже заключают в себе зависимость, но не от *благодателя*, а от *благоотнятеля*. Если зависимость от источника благ вызывает благодарность, симпатию и оберегание, - так сказать, положительная зависимость, то зависимость от отнятеля благ отрицательная, враждебная.

Однако и в насилии зависимость тоже становится взаимной, только зависимость насилуемого *отрицательна*, а зависимость насильника односторонне *положительна*. Как хищники и паразиты не могут существовать без жертв, которыми они питаются, так и эксплуататоры – без трудящихся. Поэтому насильники испытывают к своим жертвам даже своеобразную любовь, как волк любит ягнят. Только их любовь несчастна: она лишена взаимности. Впрочем, скоро, как и пастухи, организованное насилие бывает вынужденно пасти и *защищать* “своих” трудящихся от чужих грабителей, вызывая к себе за то даже некоторую благодарность: И на том спасибо.

III.2.5. **Отчуждение**

На землянках лежачее проклятие вынужденной тягостной работы, – изо дня в день, из года в год, изнуряющей, с мыслями в голове о чем угодно, только не о том, что делают руки.

Лишь к концу рабочего дня на лицах загорается радостное оживление, а окончание труда встречает вздох облегчения, словно невольники проснулись к светлому дню, увидели небо, вздохнули полной

грудью, сбросили тяжесть... чтобы на другое утро вновь подавленно идти на эту муку.

Откуда эта тяжесть отчуждения – основной печали человеческого бытия? Не оттого ли она гнетет несчастных, что их интересует не само дело, а всего лишь получаемые за него необходимые блага?

Как мы видели, в *служении* соединяются дополнение, получение необходимого, с замещением прямого действия – создание себе необходимого опосредующим действием, возможно, нужным господину, но *самому* действителю ненужным или даже вредным. Поэтому в служении обмен действий на блага бывает *недобровольным*, вынужденным зависимостью слугителя, безвыходностью его положения.

Служитель действует либо из страха или ради платы, но его действия и их продукция для него самого не являются необходимыми, *изъяты* из его собственной цели и собственной личности, обесцененностью *обесмыслены* и *обезличены*, “становятся для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его”, поэтому ему тягостны как неприятная обуза.

В этой вынужденности и обесценности служения я вижу причину и сущность его верной тени – знаменитого **отчуждения** деятельности от человека, любой деятельности: творчества, труда, мышления, даже развлечения, любви и питания, стоит превратить их в служение. Итогом становится отчуждение от создателя самого созданного им мира.

Понятие об отчуждении зародилось у Руссо, сформулировано у Фурье, Маркса и в неомарксизме. Но Маркс видел *причину* отчуждения, как обычно у него, в *частной собственности*. Критик тоталитаризма Ханна Арендт, наоборот, усматривает ее в *лишении* человека частной собственности. Противоречие их мнений мнимое. Ведь и в частнособственническом обществе отчуждению подвергается лишенный собственности пролетарий. Более глубокая и общая причина отчуждения – продуктные отношения *служения* – осталась у них невыясненной.

Соответственно развитию форм служения меняется и *степень* отчуждения. У раба или даже наемного работника, поденщика отчуждение труда полное. Даже если устанавливается какая-то зависимость наград и наказаний от его результатов, все равно целью невольного труда остаются награды и избавление от наказания, но не его результаты. Но у феодального крестьянина или ремесленника, если они не на барщине, отчуждение труда частичное: крестьянин растит хлеб и скот для себя, но долю их отдает.

III.2.6. Значение обменов и замен

Обмен и замена являются общим свойством *всего живого*. Обмен веществ в организме и между организмом и средой, симбиоз, “борьба за существование” и паразитизм между живыми существами в фито-зооценозах образуют само содержание жизни. Отношения дополнительности и замечены-то были впервые в мире живого: растения поглощают из атмосферы углекислый газ и выделяют кислород, а животные, – наоборот, поглощают кислород и выделяют углекислый газ; аналогично травоядные невозможны без растений, печень – без желудка и т.д.. Поэтому-то, заметив подобные связи в обществе, Дюркгейм и нарек их органическими, а в общественной функции видел обмен продуктами деятельности. И в такой биологической аналогии надо признать глубокое рациональное зерно, содержащееся в органицизме и функционализме, несмотря даже на стертость у них специфики социального.

В обществе все три вида производств: быт, хозяйство, культура – объединены друг с другом взаимным дополнением через обращение и потребление продукции друг друга, а на базе производства между людьми складываются продуктные отношения, а над ними – государство и идеология. Так благодаря производству отношения дополнительности и замены обретают у людей новые масштабы и новое качество.

Дополнения и замены образуют самую сущность общественной системы, ее функционирования и развития. Именно в разладах замен открывается источник и способ развития общества.

Однако из порождения развития заменными коллизиями вовсе не следует их апология, как у К. Маркса или Л. Козера. Последствия общественных розней могут быть как благими, так и разрушительными, вести общество к деградации, а то и гибели. Таких страшных примеров в истории столько, что надо быть ослепленным фикс-идеей, чтобы их не видеть. Общественные розни вызываются заменами не только безнасильственными, но и осуществляемыми путем насильственного отнятия продукции – эксплуатации. И такие враждебные отношения могут быть устойчивыми, сохраняться тысячи лет, как между крестьянами и феодалами.

Однако существуют разлады в самом функционировании системы. Такова взаимность и противоположность интересов продавца и покупателя, что и служит двигателем рынка. Или противоречия функциональных нарушений необходимости: так страдания экономических дисбалансов охраняют экономические балансы. Но об этом – дальше.

Подытожим. Общественные отношения имеют три уровня:

- Производственные взаимодействия всех видов (П.2).
- Продуктные отношения – движение продукции и функций, материальное и духовное, распределения и обмены, их сторона – зависимости.
- Общежитие – действия людей друг на друга, прямые и опосредованные, включая любовь, дружбу, вражду и т.д. и социальную регуляцию: мораль, правление и т.д.

И все это обеспечивается общением во всех его видах.

.....

Фрагменты 7. Из IV.I. Социогенез и социации

* Почему *общество* сложилось только в Новое время?

* Есть ли закон, определяющий, какими быть *соединениям* людей, или они – случайные и произвольные сочетания?

* В чем различие *толпы* и *коллектива*?

* Вся жизнь современного человека протекает в *организациях*: от роддома и школы до предприятия, магазина, больницы и похоронного бюро. Что и как связывает людей в организации? ...

IV.1.1. Закон конгрегации

Процессы разного уровня соединения людей в совместную жизнь назовем конгрегацией.

Общество – вовсе не случайное сочетание (“костелляция” М. Вебера), не результат произвольных действий индивидов (“интеракция” Дж. Мида), но и не предшествующий индивидам некий организм (“интеграция” Э. Дюркгейма или Т. Парсонса), а вариантное, но закономерное *следствие* своих элементов с их материальными и духовными свойствами. Из одних элементов образуется семья, из других – завод, из одних – диктатура, из других – демократия, но не наоборот.

Из проведенного ранее анализа следует, что конгрегацию порождают и направляют по законам необходимости материальные средства, которыми располагают люди, их производственные и продуктные отношения: дополнения, зависимости, замены.

Конгрегация общества происходит по общим законам образования систем – определяется их *сочленимостью* (комплементарностью), то есть подобно тому, как контуры ключей и замков предопределяют,

какие из них состыкуются, “подходят” друг к другу, подобно тому, как конфигурации деталей механизма при множестве случайных их встреч определяют все возможные варианты их комбинаций в какие-то конструкции; подобно тому, как типы химических связей – притяжений атомов в каждом физическом условиях определяют возможные их соединения в молекулы и кристаллы, а биополимерных молекул – в органеллы и клетки.

Исходные элементы общества – это его материальные средства и люди, их производственные и продуктные отношения, лады и разлады в них. А из этих общественных элементов складывается остальное: общение, обращение, взаимодействия, людские массы и сообщества, включая все организации от производственных до государственных.

Свойства вещей и людей, определяющие возможности их совмещения (состыковки), – их *совместимость* (конгруэнтность) и возможность их взаимного дополнения, – их *сопряженность* назовем – за именем другого термина – их **конфигурациями**. Чтобы вспахать почву, плугу необходима тяга: конь, вол, трактор, и чем больше плуг и тверже почва, тем мощнее тяга. Крестьянину, чтобы починить свой инвентарь, нужен кузнец или другой мастер, а кузнецу, чтобы прокормиться, нужны крестьяне. Женщина родить детей и создать семью может не с женщиной же, для этого ей необходим мужчина, и притом не всякий годится.

Конфигурационные свойства социальных элементов у вещей являются, понятно, природными (физическими, химическими), а у людей – физиологическими, психологическими, профессиональными, менталитетными и культурными. Например, у плуга или у трактора – это всевозможные их технические свойства, определяющие возможности их совместного использования, у людей – уровень их квалификации и содержание мировоззрения. Так, мотор не соединить с телегой и необученным колдователем, испуганно подозревающим в его движении и урчании нечистую силу.

Таким образом, соединение людей происходит по **закону конгрегации**: конфигурационные свойства социальных элементов, их совместимость и дополнительность (комплектарность), вместе с особенностями природных условий – определяют все *возможные сочетания* их взаимных зависимостей и варианты их соединения в те или иные типы социаций, также как и запреты невозможных комбинаций.

Так, “конфигурация” мужчины и женщины соединяет их в семью; специализация фермеров и машиностроителей делает их агентами

единого товарообмена; квалификация разделенного труда соединяет работников одного производственного коллектива и т.д.

Отсюда следует, что законы образования социаций вытекают из специфики социальных элементов: средств производства (хозяйства, быта, культуры), их технологического уровня и людей, их индивидуальных и социальных качеств и зависимостей. Конечно, создание средств производства и выбор необходимой комбинации социальных связей осуществляются через разум и волю людей; но соединить объективно несовместимое никто не в силах.

IV.1.2. Индивидо-общественный круг

Что первично в этом соединении, элемент или система?

Казалось бы, как социальный элемент может предшествовать социации, если общественные зависимости и положения невозможны без общества? Лишь общество определяет общественное качество индивида: женщина может быть женой лишь по отношению к мужу, матерью – по отношению к детям и т.д. Притом целое существует как относительно самостоятельная форма, в которой конкретные индивиды и материальные средства в границах конфигурационной совместимости заменяемы: и муж в семье может появиться другой, и тем более рабочий за станком в цехе, и сам станок.

Но как может возникнуть соединение элементов, если раньше не было элементов?

Эта уже знакомая нам (I) вековая контроверза индивида – общества находит разрешение, если вырваться за границу индивидов и отдельных материальных средств и их нынешней системы и пойти регрессией к ее началу. Ведь отдельные атомы в кристалле тоже могут быть заменены и постоянно заменяются вследствие диффузии, но это не отменяет основного: без атомов кристалл невозможен. Заколдованный круг части и целого неразмыкаем без генетического подхода к нему. *Исторически* и *динамически* началом являются индивиды и их материальные средства, но в каждый последующий момент истории индивиды и их средства формируются в обществе. Средства производства обуславливают возможные и необходимые функциональные разделения и взаимные дополнения и сопряженное с ними обращение благ, то есть зависимости людей, а они – возможные социации.

IV.1.3. Становление общества

Обычно общество считают одной из систем, аналогичной организациям. Это явно принятие теоретически желаемого за реальное. “Ин-

теграция” людей в систему, “функциональное единство” просто постулируется, хотя такое допущение еще требуется доказать. В действительности, типы и степень связи людей различаются исторически, географически и социально. То, что величают *человечеством*, хотя и не агрегат, но пока и далеко **не** система, во всяком случае не жесткая система, а скорее совокупность сообществ, объединений, соединений, систем, хотя и обладающих чем-то общим. Само понятие общества является историческим.

Миллионы лет обществу предшествовало первобытное стадо предлюдей. Ныне таких, понятно, не существует, и о нем могут быть лишь предположения на основании палеоантропологических находок и наблюдения за современными стадами человекообразных обезьян.

Наши предки *наяпитеки* пользовались грубыми каменными орудиями, кормились ручной ловлей раков, лягушек и рыбы, собиранием моллюсков, яиц и растительных плодов и неорганизованной охотой на мелких животных. Едва ли там процветал “первобытный коммунизм” доброй уравниловки, как фантазировали социалисты 19 века. Судя по современным обезьянам, в первобытном стаде рядом с взаимопомощью в защите от опасности и поиске пищи, царили драки из-за дефицитной пищи и самок и утверждавшаяся в них иерархия силы и захватничество сильного. Вожаком становился самый сильный самец, а молодые или престарелые нередко изгонялись из стада.

Как и у животных, половые связи, должно быть, были неупорядочены – произвольны, так что не исключалось, самец иногда мог вступить в связь и с матерью, и с сестрой. Такой промискуитетом приводил к кровосмешению, оттого к врожденным болезням и уродствам – и от общего вырождения спасала только гибель больных в естественном отборе.

Эти драки и изгнание более слабых делали невозможной в первобытном стаде никакую хозяйственную *организацию*.

Но этот гипотетический период в антропогенезе является еще предчеловеческим. Однако и ныне аналогичные стадные отношения стихийно сами собой возрождаются в среде преступных групп: бандитов, “воров в законе”, тоже основанных на постоянной настороженности и драках.

Первым обществом стала первобытная *родовая община*, зародившаяся около 1 млн. лет назад, еще у питекантропов. Она установила уравнительное распределение пищи и запрет половых связей между родичами и тем самым смогла избавиться от раздоров и создать условия для *распределения функций в организации* загонной и засадной охоты на крупных животных.

Превращение первобытного стада в род было переходом в противоположное качество: замена драк – взаимопомощью, иерархии силы – уважением ума, знаний и общественных качеств, промискуитета – экзогамией. Поэтому появление рода ознаменовало превращение антропоидов в современного человека – homo sapiens.

Но даже в крестьянских странах общества как целого не было. Отношения между крестьянскими семьями – хозяйственными ячейками были просто соседскими, со взаимопомощью в трудных ситуациях и настороженной враждой к чужакам. Их связь была не столько внутренней, производственной, сколько внешней, соединением общими опасностями и государством, властью одного господина. Поэтому даже понятие общества в современном смысле там не существовало. Говорили о народах, государствах и их жителях. В России даже в первой половине 19 в. слово “общество” означало для крестьян их деревню, общину, “мир”, а для дворян – только поддерживающие связи высшую знать – “свет”.

Для римлян слово *societas* означало не общество, а либо семью родственников (Овидий, Цицерон, Ливий), либо заключенный союз, политический или имущественный. В античные и средние века общество не отличали от государства; в античности, – должно быть, потому, что полисная и республиканская демократия охватывали всех граждан полиса, а в средневековье, должно быть, потому, что не могли принимать разрозненных по семьям и политически пассивных крестьян за общество, обозначая их просто “подданными” государства.

Современное понятие “общества” выкристаллизовалось только в Новое время вместе с самим обществом. Даже для Гоббса до возникновения государства, в “естественном состоянии”, не существовало и общества. Лишь когда в реальности от государства отделилось “гражданское общество” – объединение бюргеров, тогда они разделились и в теории, – и для либералов 18 в. Шефтсбери и Юма “естественное состояние людей” рисуется уже обществом *без* государства.

В современной социологии понятие общества чаще всего употребляется как предельная абстракция для обозначения любых человеческих поселений и образований, от малых до всей совокупности людей на планете – человечества.

Как видим, “общества вообще” нет; есть конкретные общественные образования – социации.

Социации (группы, объединения) – это люди совместные, объективно связанные территориально, по месту и времени пребывания, по контактам, общению и какой-то степени взаимной зависимости, а

потому также и психологически какими-то общими интересами и чувствами – солидарностью, позволяющей именовать себя “мы”.

По возрастающей степени связи людей друг с другом вырисовывается целая типология социаций, отражающая в общих чертах их генезис.

Социации распадаются на два больших типа: массы и сообщества, – со множеством разновидностей внутри них.

IV.1.4. **Массы**

Под этим словом фактически подразумевают ситуативные социации разнородных людей. Таковы прохожие, толпы, публика, соседство, общественные круги. Каждый следующий уровень содержит предыдущие, но богаче связями.

1. *Прохожие* – это люди, движущиеся в одном месте, но, возможно, в разных направлениях, разобщенные («атомизированные», «малокоммуникабельные»), чаще анонимные (не знакомые друг с другом, “обезличенные”) и отчужденные друг от друга. Едва ли это социация, разве что в самой малой степени.

2. Второй тип массы, более связанный – **толпа** – скопление многих людей в одном месте и времени. Толпа сохраняет у людей те же разобщение и анонимность, но уже отличается связанностью каким-то общим объектом внимания и эмоционального состояния.

С конца 19 века Ф. Ницше, Г. Лебон, Г. Тард и другие философы и социологи с отвращением описывали многие неприятные *психологические феномены толпы*.

Действительно, анонимность людей в толпе ведет к утрате им чувства ответственности, а собственная многочисленность порождает чувство всемогущества; к тому же под действием взаимного заражения и внушения происходит усиление эмоций и ослабление самостоятельности сознания и мысли, ослабление самоконтроля, а вследствие этого – превращение воодушевления в экстаз, одобрения – в истерическую харизму, страха – в панику и т. п. В результате человек в толпе поддается таким побуждениям, которые, будь он один, подавил бы. Посмотрите на выступления эстрадных юмористов, на восприятие митингом оратора. В толпе люди смеются или аплодируют тому, что каждого из них, находясь он в отдельности, скорее всего оставило бы равнодушным. Некритичность, импульсивность поведения в толпе проявляется в его примитивизации: буйстве, нетерпимости, жестокости или, наоборот, в самоотверженности, героизме.

Феномен толпы гораздо распространеннее, чем обычно думают. Бушующее собрание, распалюющее себя речами, – это толпа. Исступ-

ленно кричащий и скандирующий митинг или демонстрация – это толпа. Марширующие колонны – это толпа. Вопящий стадион болельщиков – это толпа. Дерущиеся стаи уличных хулиганов – это толпа. Табун крушащих и убивающих погромщиков – это толпа. Солдаты, с криками убегающие в панике, – это толпа. Отряд штурмовиков – толпа. Экзальтированное собрание молящихся – толпа. Неистово пляшущее вокруг шамана племя – толпа. Обезумевшие поклонники чудотворца, святого или вождя – толпа.

Однако такое подчинение эмоциям окружающих свойственно вовсе не всем людям. Толпа – убежище слабых. Чем слабее и растерянее человек, тем он внушаемей и тем неудержимей его влечет в толпу – пережить опьянение возбуждением и ощущением своей силы.

Поэтому в традиционной критике толпы много и несправедливого, подсказанного консервативно-элитарной неприязнью к народу – “массам”, много от реакции на обострение социальных антагонизмов в период индустриализации, на разрастание грозных массовых выступлений, – хотя у Ортеги-и-Гассета и еще более у Рисмена и Миллса звучит уже иная тема, либеральное и леворадикальное отвращение к тоталитаризму с его организованными толпами – маршами.

Этой критике недостает различения *типов* “толпы” – различного социального состава и позиции. Одно дело скопище уличных зевак, привлеченных каким-то инцидентом, но отлична от них толпа пассажиров на вокзале или в троллейбусе, где уже есть какое-то общее дело, или магазинная очередь, в которой уже есть элемент организованности; тем более – демонстранты на митинге, люди преимущественно одного класса, симпатизирующие друг другу и, возможно, с какой-то партийной дисциплиной; иная картина – злая стая хулиганов, люмпенов – погромщиков, штурмовиков. А работники одного цеха или завода – вообще уже не толпа. Как же все это смешивать, именовать одним словом некоей абстрактной массы?

3. Третий тип массы – **публика**, которую Тард отличал от толпы: в публике индивиды могут быть физически рассредоточены в пространстве, но *объединены духовно*, причем не только эмоционально, но и интеллектуально, отчего личность человека не нивелируется, а, наоборот, обогащается.

Публика создается *общением*: в театрах, клубах, салонах, кружках, подворотнях и прочих «тусовках». Особая публика – невидимая и анонимная – создается благодаря книгам, газетам, радио, телевидению, телефону, интернету и другим техническим средствам общения.

4. Еще более связанная масса – **соседство** – внешнее объединение людей общим местопребыванием и вследствие этого некоторой взаимной зависимостью.

Соседство бывает широкое – объединение территориальное, но под открытым небом: хутор, деревня, село, поселок, город, квартал, улица, страна, – и соседство ближнее, связь общим помещением с более тесной взаимной зависимостью: больные одной палаты, даже психиатрической больницы, пассажиры одного автобуса, зеки одной камеры или барака.

5. Наконец, **общественные круги** – люди, связанные уже общими *интересами* и симпатиями, часто и одинаковыми *занятиями*, но с контактами непостоянными, хотя, возможно, регулярными. Таковы круги знакомых, друзей, приятелей, компании подростков или взрослых.

IV.1.5. Сообщества

Общественные круги представляют собой уже переход в сообщество. Сообщество (или институция, *Gemeinschaft*, *community*) – это устойчивое объединение людей силой взаимного дополнения, взаимной *зависимости* и вследствие того системой интересов и постоянным контактом. Термин “институция” мы используем, чтобы отмежеваться от термина “институт”, который уже занят другими смыслами.

В узком смысле институтами именуют учреждения, а в широком смысле (напр., *Спенсер*, 1877, с.652) социальными институтами называет основные области, подсистемы общества: быт, материальное производство, искусство, религию, политику и т.п..

Виды сообществ:

1. **Семья** – сообщество людей, соединенных телесным и духовным самовоспроизводством, или, на обычном книжном языке, половыми и родственными связями, поэтому общим бытом и любовью. Семья существует, пока есть муж и жена. Детей, тещи, свекрови и другой родни может не быть. Но как только не стало мужа или жены, не стало и семьи. Мать-одиночка – это уже не полноценный осколок семьи.

Брак (супружество) – это не то же, что семья, а закрепление семьи правовое, моральное, эстетическое и, может быть, религиозное.

2. **Коллектив** (от лат. *colligere* – собирать) – это сообщество людей (коллег, товарищей, общников, партнеров, компаньонов и т. д.), связанных совместной *деятельностью* и видящихся часто или почти ежедневно. Таковы ученики одного класса, рабочие одной артели, бригады или цеха, артисты одного театра, сотрудники одной лаборатории или кафедры, спортсмены одной команды, сослуживцы одной

конторы, солдаты одного отделения или взвода и т.п., коллеги в коллективе школы, завода, полка, института, ведомства.

3. **Организация** (учреждение) – это объединение (система) людей посредством фиксированной *цели* и фиксированного *разделения функций* (распределения, кому что делать) для координации (согласования) усилий – деятельности на длительное время и, возможно, на обширном пространстве, за пределами непосредственных контактов и видимости его членов.

В современном индустриальном обществе вся жизнь человека проходит в организациях: родильный дом, детский сад, школа, университет, завод, почтамт, магазин, театр, банк, армия, собес, больница, похоронное бюро. Все современное общество соткано из организаций: обучения, труда, культуры, транспорта, управления, торговли, политики.

По степени связи между своими членами различаются виды организаций:

– Зачаточные и неустойчивые организации – “*неформальные*”, как в компаниях подростков, харизматических группах, собирающихся вокруг какого-то обожаемого лидера, ватагах, бандах, сектах и т. п..

– “*Формальные*” организации – юридически фиксированные, с регламентом и предписанными правилами и обязанностями, – уставом и программой.

Формальные организации в свою очередь бывают:

– *Ассоциация* – это **самоорганизация**, добровольная и открытая для входа и выхода с выборным руководством. Например, профсоюзы, садовые товарищества, общества филателистов или уфологов, землячества – объединения земляков – эмигрантов в чужой стране, кружки самодеятельности и т. п., а также некоторые политические движения и партии.

– *Учреждение* – организация, строящаяся *сверху*, с назначенным руководством и послушанием членов. Таковы, например, государственные школы, государственные больницы, полиция и т.п.

– *Корпорация* – **самоорганизация**, строящаяся *снизу*, но централизованная и замкнутая (с ограниченным доступом). Таковы юридически зарегистрированная как брак семья, рыцарский орден, монастырь, ремесленный цех, купеческая гильдия, некоторые типы партий, например, коммунистических, акционерные компании, фирмы.

Корпорации могут быть авторитарными, но могут быть и демократическими.

Понятие социации часто заменяют словом “группа”, хотя оно является чисто эмпирическим, подразумевает просто некоторую совокупность людей, куда относят любые социации, от никак не связанного скопления прохожих на улице или дворовой компании до семьи и коллектива, без различия степени связи между индивидами.

Все три вида сообществ: семья, коллектив, организация – существуют не порознь, а внутри друг друга по принципу матрешки: внутри организации складывается коллектив или коллективы, почти у каждого члена коллектива есть свои семьи, а семьи, коллективы и организации через продуктивные и государственные связи соединяются в общество.

.....

Фрагменты 8. Из IV.2. Социальная регуляция

IV.2.1. Связи общества

У каждого человека есть цели, мысли, желания, но у объединений людей не может быть собственной цели, мысли, желания, потому что у каждого из его образующих людей цели, мысли и желания *разные* и обычно отличные от декларируемых в заявлениях и программах (I.1). Счастье для каждого настолько различно, что “общей целью” у них может быть лишь некоторая совпадающая часть их интересов, которая и позволяет им объединиться для “общего дела”.

Но их участие в функционировании сообщества сплошь и рядом является для них вовсе не целью, а *только средством*, например, средством получения жалования, чинов, заработной платы, прибыли и т.д., которые в свою очередь нужны им для разных собственных целей, личного счастья. Завод производит мыло, но целью всех занятых на нем является не мыло, а доходы от его продажи; мыло же – средство. Целью же мыло является для его покупателей – потребителей. Таковы результаты функционального расчленения общества.

Поэтому некоторая общность в целях, воодушевляющих членов сообщества, является вовсе не обязательной и вторичной. Но отсюда следует, что связывают людей в сообщества вовсе не идеи и желания. Скрепя сообщества – объективные связи, производственные и продуктивные зависимости, иначе говоря, *необходимость* общего дела.

Однако на основе материальной связи между людьми в сообществе складываются отношения духовные и практические ценностные, – то,

что именуют сплоченностью, коллективизмом, моралью и т.д., а социологи после Г.Тарда описывают под именем “социального контроля”.

Мне кажется, духовные связи сообщества ошибочно отрывать от их нецеситной основы, а весь их механизм точнее назвать *социальной регулирующей*.

Хотя духовно-практические ценностные связи людей производны от материальных, тем не менее значение их огромно. Непосредственно поведением людей управляет ценностное сознание. Люди физически могут быть далеко друг от друга, а духовно близкими. Жена годами живет мысленно с ушедшим на войну мужем, а муж тянется мыслями к ней. А может быть наоборот: физически люди рядом, как пассажиры в автобусе, а духовно – чужие.

IV.2.2. Мораль

Мораль является *общественно* преобразованной нравственностью (II.3.5), когда *личные* идеалы поведения становятся *идеалами общественными*, как их тогда называют, – **нормами**, личные оценки превращаются в общественные, – *общественный суд* и *общественное мнение*, а личные реакции на происходящее складываются в общественные воздаяния – *санкции*.

.....

Одобрения выражаются в признании, приветливости, восхищенных восклицаниях, похвалах, обещаниях и т.п. выражениях благоволения,

Осуждения за неприличные или неуместные действия или слова выражаются в иронических взглядах или хмурости, холодном молчании, подковырках, насмешках, прозвищах, издевках, сплетнях, пренебрежении, презрении, порицании и т.д.

Материальные санкции являются действиями, несущими благо или зло.

Поощрениями служат помощь, защита и награды – престижные, статусные, вещественные и т.д.

Наказаниями являются снижение престижа и статуса, выделение инструментов, продуктов и других вещей похуже, а то и недоброкачественных или их пропажи и прочие причинения неприятностей – вредительство; на следующей ступени наказанием делают отказ в помощи при затруднении.

Крайняя мера – *остракизм*, то есть бойкот, отлучение ослушника, полная изоляция: на его вопросы никто не отвечает, его просьбы и

требования не выполняются, а кто пробует контактировать с изгоем, сам подвергается санкциям.

Общественная регуляция давно замечена в литературе, как в художественной, так и в этической и социологической; однако упускается из виду ее необходимая основа.

Действенность общественных оценок и санкций и воспитываемая ими *ответственность* зиждутся на *зависимости* людей друг от друга. Именно зависимость превращает реакции окружающих в санкции. Санкции означают сжатие питающей человека пуповины, а потому возможны только там, где такая пуповина есть. На независимых людей санкции не действуют. Перекрыть кислород можно лишь там, где есть кислородный шланг. Именно зависимость превращает личные идеалы в общественные нормы с их обязательностью – *долженствованием*.

.....

IV.2.3. Надморальные регуляции

Но где между людьми нет личной зависимости или есть вражда, там даже самые сильные моральные санкции бессильны. Ну, что было б, если бы бояре объявили крестьянам бойкот?

– Обижены на вас, мужики, за непочтительность. Покидаем вас. Живите без нас.

То-то бы, верно, огорчили.

Там, где мораль явно недостаточна, вырастают другие общественные регуляции, еще трех уровней:

2. **Административные** нормы (уставы, постановления, приказы, инструкции и т.д.) и санкции, которые отличают воздействия продуктивные, вроде премий за успехи, наград за подвиги, штрафов, исключений или увольнений за их нарушения.

3. **Государственные** юридические законы и уголовные санкции за их нарушения – преступления. Их отличает физическое воздействие: арест, изгнание, заключение и казнь.

4. **Экономические** нормы и санкции – коммерческие, где поощрением является выгода, рост дохода, а ущемлением – убыток и разорение. Здесь нормами становятся и деньги, контракты, векселя, акции, облигации, депозиты и т.д.

Впрочем, все четыре регулятора могут сочетаться.

Мера санкций за нарушение по обычаю соразмерна причиненному ущербу чужим интересам.

Что будет, если студент явится на лекцию в трусах или в нижней рубашке? Это не запрещено ни моралью, ни религией, ни законом, не проступок, не грех, не преступление. Сегодня скорее всего, его даже не удалят с занятий; никаких административных санкций. Разве что моральное осуждение: смех, пересуды, потеря уважения. Кто-то не захочет с ним дружить. Влюбись он – девушка, пожалуй, отвернется:

– А, это тот шут, который на занятия в трусах ходит.

Можно ли считать ношение одежды “обязанностью” человека?

Особенности одежды и манер относятся к особой области морали – *этикету* – нормам общения, или иначе – *приличиям* и неприличиям.

Они тоже подвержены одобрению или осуждению, но в терпимом обществе редко вызывают ущемляющее действие.

Но за аморальные поступки следуют серьезные моральные санкции; за уголовные же преступления – даже арест и другие уголовные кары.

Очевидно, различие реакции на отступления от этикета, от морали и от закона обусловлены степенью зависимости между людьми и важностью затрагиваемых этими отступлениями интересов.

IV.2.4. Права и обязанности. Легитимность

Трудно найти тему, где было бы больше споров и тумана, чем в вопросах прав и обязанностей, должно быть, именно потому, что они так близко затрагивают людей.

По-моему, *права* (rights) или (в этом же смысле) *свободы* человека на какие-то действия означают **согласие** других, чтобы он при желании их совершал. Так, право покупателя в магазине – осматривать и выбирать товар. В праве директора может быть принимать или увольнять сотрудников, повышать или понижать им зарплату, распределять задания, издавать разные другие приказы по предусмотренным вопросам – полномочиям. В праве супруга, скажем, ждать помощи от супруга или поцеловать ее и кое-что еще, о чем говорить не надо. Есть права учителя, врача, гражданина и т.д.

Право – именно согласие, признание, разрешение других на желанное субъекту. Правомочные действия другим людям могут не нравиться, но тем не менее по каким-то объективным отношениям принимаются. Но правомочным человеком они совершаются именно добровольно: хочешь – делай, не хочешь – нет, твое право.

Знаменитая *легитимность* (от лат. *legitimus* – законный, правомочный, надлежащий, должный), понятие, перенесенное М. Вебером из юриспруденции в социологию, по-моему, означает просто общественное признание. И в легитимации – общественном признании со

стороны других людей – нуждается не только государство и самые его юридические законы (легальность), но все, так сказать, “общее” в обществе, то есть касающееся других: семья, жена, муж, дети, собственность, заслуги, профессии, статусы и т.д. Правом вообще называю совокупность таких прав различных людей в обществе.

Аналогично, *обязанности* человека – это *требования* от него другими людьми определенных действий, может быть, для него нежеланных. Несовержшение их, неисполнение обязанностей вызывает у других неприязнь, осуждения и неприязненные действия – санкции, о которых мы уже говорили.

Моральные или юридические нормы являются весьма общими и корректируются ситуациями. Например, заповедь “говори правду”. Но говорить ли правду обреченному больному или солдатам, попавшим в окружение? – это нельзя решить вообще, на все случаи жизни. Если больной – человек духовно сильный и целеустремленный, ему, может быть, лучше сказать правду, а от дряблого лучше утаить.

Долг – это обязанность конкретного человека в конкретной ситуации и позиции. Когда человек осознает свою ситуацию, он переживает общие нормы и обязанности уже конкретными как свой долг, однозначный и непреложный: “Я должен поступить так и не иначе”.

По этой же причине долг привязывается к социальным категориям людей: долг врача, долг учителя, долг летчика, долг гражданина и т.д. – у каждой категории людей долг свой.

Впрочем, все права и обязанности обусловлены общественным положением, ситуацией и позицией. Так, врач вправе рассматривать даже самые интимные части тела пациента, но сняв белый халат, меняет общественную позицию и не может себе позволить то же самое.

Так как права и обязанности означают отношения между людьми, то права и обязанности находятся во *взаимном дополнении*. Если право человека на какое-то действие есть согласие других людей на его совершение им, то оно означает также обязанность этих других согласных людей не препятствовать ему в этом и подчиняться этому действию. Права покупателя предполагают соответствующие обязанности для продавца: покупатель вправе рассматривать товар – значит продавец обязан его показывать; покупатель обязан оплатить покупку, продавец вправе требовать оплаты. В школе учитель вправе вызвать к доске, ученик обязан идти. Кондуктор вправе требовать билет, пассажир должен его предъявить. Аналогично, права мужа предполагают обязанности жены и наоборот.

В силу взаимной дополнительной права (свободы) хорошо работают там, где строго соблюдаются обязанности: соблюдают трудовую дисциплину, не мусорят на улице, платят налоги, не дают и не берут взятки, не уклоняются от воинского призыва и т.д.

А без взаимной обязательности свободы выливаются в бардак: разгильдяйство, грязь, воровство и т.д. – общий развал. Так же, впрочем, и наоборот: в обществе, где нет соблюдения прав, там в людях не воспитывается и культура обязательности.

IV.2.5. Объективные основы прав и обязанностей

Из сущности прав и обязанностей людей как их взаимных согласий и требований следует, что за правами и обязанностями стоит их объективная основа – *интересы и зависимости* людей, а если пойти глубже, – отношения необходимости. В самом деле, если какие-то действия никак не касаются ничьих интересов, то к чему на них согласие и требование? Это все равно, что ломиться в открытую дверь. Между совершенно независимыми автаркными людьми нет отношений прав и обязанностей. Если человек объективно независим, то для чего ему наше согласие? И как добиться от независимого осуществления нашего требования?

Конечно, бывают обязанности, кажущиеся бесцельными, а то и нелепыми, особенно обильные в приличиях этикета и в ритуалах: запрет наступать на тень вождя племени или употреблять некоторые слова – «грязные», «нецензурные», ношение кольца в носу или на пальце, галстук, пожатие руки, строевой шаг, отдавание воинской чести, почтение к женщине и т.п. Но и эти символы - обычно остатки важных когда-то действий служат интересам поддержания в сообществе напряжения порядка и взаимного уважения. А иначе привычка к распушенности делает сообщество непригодным к делу, когда придет его время.

Однако так как права являются согласием, то права человеку *дают другие* люди. Поэтому нет никаких “естественных прав”, или “прирожденных прав”, словно существующих без других людей. Прав нет ни в физическом мире, ни в химическом, ни в животном. Права возникают не в природе, а в обществе, да и там не сразу, а на определенной стадии развития.

“Естественным правом” человека либеральные авторы этого термина именуют всего лишь желание индивида иметь какое-то право: на жизнь, на собственность, на свободу, и т.д.– и поэтому также его признание таких прав за другими, да и то бывает лишь в случае презумпции равноправия. Поэтому реально сколько бы человек ни провозглашал нечто же-

ланное ему своим “естественным правом”, он его не получит, пока не исчезнет антагонизм и это право не будет признано другими.

В случае явной или имплицитной *презумпции равноправия* отстаивание своих прав приводит к признанию таких же прав и за другими, потому что защита чужих прав означает косвенную защиту собственных. Когда Вольтер провозглашает чужую свободу критиковать себя, он подразумевает собственную свободу критиковать других. Наоборот, не приемля губительные для себя чужие действия, поборник равноправия логически принужден отказаться в таком праве и себе. Кто вредит другим, тот лишает себя основания возмущаться подобным вредом себе от других. Отсюда и возникает знаменитая максима общечеловеческой правды: не делай другому того, чего не хочешь, чтоб делали тебе.

Однако стальное кольцо ее логики легко разрушает отказ от предпосылки равноправия, признание себя или подобных себе, людей своего народа или класса, чем-то исключительным, лучше других, как в истории неизменно и поступают все диктатуры, от аристократических до коммунистических.

IV.2.6. Общественное место, положение, статус и престиж

Введем еще одно понятие – “общественного места” человека.

Общественное место образует *узел устойчивых продуктивных отношений*, как функциональных, так и узусных, привязанный к конкретной ситуации. Обычно оно определяется принадлежностью индивида к определенному народу, семье, коллективу, организации и их возможностями, производственными и культурными, его функциональным положением внутри сообщества, должностью, собственностью, доходом и т.д. Общественное место – это то, про что любят мечтательно порассуждать: “На его месте я бы...”, – словом, сотворил чудеса.

Общественное положение – это все более-менее одинаковые общественные места, по крайней мере признаваемые таковыми в общественном мнении.

Общественное место является объективным, так что уход или смерть занимавшего его человека может привести к его смене другим человеком, но включающая его ситуация – узел продуктивных отношений сохраняется, как происходит после ухода мужа: скорее всего, жена найдет себе другого, – и тем более после ухода слесаря, учителя или директора. Свято место пусто не бывает.

Но заменяемость функционера и узера вовсе не означает, что “делец” всего лишь, как мыслит Р.Линтон, “совокупность ролей” или, как у К.Маркса, совокупность общественных отношений, а сам по себе –

пустота или марионетка норм или обстоятельств. Результаты усилий человека на каждом общественном месте меняются в зависимости от собственных атрибутов человека, его возраста, пола, здоровья, физических и духовных способностей и интересов, – и до такой степени, что ведь не любой годится в мужья, слесари, учителя или директора. Одна и та же фирма у одного предпринимателя разоряется, а у другого, купившего ее, процветает. В одном и том же положении жены одна женщина оказывается в подчинении у мужа, а другая держит его под каблуком.

Поэтому *социальное качество* человека создается, с одной стороны, его объективным общественным положением, а, с другой стороны, – его индивидуальными способностями, профессией, образованием, культурой и т.д. – вплоть до хобби.

В природе естественный отбор оставляет не только самых сильных или ловких, но и, как тонко подметил П. Кропоткин, просто более выносливых, приспособленных к холоду, засухе, эпидемиям и т.д., – отбираемые качества зависят от экологической ниши обитания живого существа.

В обществе *отбор* идет не естественный, а *общественный*, к социальной нише, общественному месту, и аналогично он благословляет у людей самые разные свойства.

У трудящихся прежде всего ценится сноровка, выносливость, сметка и другие качества трудоспособности.

Среди феодалов шел отбор наиболее воинственных и хитрых, а среди крестьян – наиболее трудолюбивых и смиренных.

Среди придворной камарилы преуспевает льстивое лицемерие, коварство и жестокость, а среди интеллигенции – знания, талант и ум.

В торговле почитается оборотистость. Среди восточных купцов богатели самые бесчестные мошенники, а среди капиталистических предпринимателей, наоборот, те, кто заслужил наибольшее доверие – «кредит».

Социальное качество объективно, но оно получает в обществе сравнительную оценку, в русском языке именуемую *статусом*.

При этом никуда не деться от того, что личность оценивается прежде всего по ее общественному положению: принадлежности к определенной нации, организации, производственной, государственной, партийной, по ее должности, доходу, профессии, образованию и т.д..

Уровень *общественной оценки* человека или статуса, степень общественного осуждения или уважения к социальному качеству есть то, что называют *престижем*.

Каждая социальная категория людей имеет свой статус, выше или ниже, с ранжированием в общественном сознании; в итоге образуется целая иерархия статусов во главе с высшим слоем, именуемым сего-

дня *элитой*. В бюрократизированном обществе статусы обретают даже юридическое узаконение.

В английском языковом сознании и англоязычной социологии status отождествляется с самим общественным положением (напр., *Смелзер*, 1991, N 2, с.120),– надо полагать, соответственно особенностям преобладающих в этих странах общественных отношений и философии, в частности, близости оценки и объективного положения человека.

Однако, социальное качество человека и статус – вещи различные. Иначе почему один и тот же человек, стало быть, одного и того же общественного положения в разных сообществах и стратах имеет разный статус? Можно иметь высокий статус и даже шумную славу в широком обществе, но низкий – в семье, классе, лаборатории или другом первичном сообществе.

Остается признать, что общественное положение объективно и едино, но его важность – значение для разных сообществ и потому его оценка в них, его статус – различны. . .

. . В действительности, статус – не “совокупность прав и обязанностей”, как думают Линтон или Смелзер (там же, с.120).

Не права и обязанности определяют статус человека, а, наоборот, его объективное общественное положение . е и индивидуальные способности получают общественную оценку – статус, а статус практически *заключается* в общественном согласии на какие-то его действия и общественном требовании от него определенных действий, – в его правах и обязанностях, о чем мы уже говорили.

IV.2.7. Притязание и самолюбие

Одно из важнейших отличий человека от животного – *самосознание* (П.3). Среди многого другого человек осознает также и свое собственное объективное общественное положение, свои способности – достоинства и свой общественный статус, и, поскольку от них зависит отношение к нему окружающих, признаваемые за ним права и все его общественное благополучие, он чрезвычайно дорожит их сохранением и повышением. Общественное мнение оказывается важнее реальности. Для человека не столь важно, что он глуп; важно, чтобы его считали умным.

Притязания человека – это вытекающие из самосознания им своего общественного положения и ситуации его *ожидания* и *желания* какого-то отношения к себе окружающих, короче, требование признания своих достоинств и статуса, предъявление своих прав.

Ущемление своего статуса и прав люди воспринимают болезненно. Когда школьник не выполняет свои обязанности, нарушает установленный порядок, это провоцирует возмущение учителя вовсе не потому, что ученическая выходка как-то физически его затронула, а потому что она является вызовом его учительским правам и статусу, подрывает его авторитет, а тем самым ставит под угрозу сами условия, необходимые для его школьного функционирования. Если учитель не сумеет “восстановить порядок”, он останется без профессии.

Когда самооценка человека превосходит оценку его окружающими, пусть даже он прав и те недооценивают его достоинств, тем не менее она в их глазах является ошибочной и нескромной. Такие неадекватные реальному статусу завышенные притязания бранят *претензией*, а исходящие из неё манеры и поведение воспринимаются вычурными – “претенциозными”.

Но негативно воспринимается не обязательно завышенная самооценка, а *любая путаница* своего общественного положения и статуса: когда здоровенный лоб ударяется в сюсюканье, шалости, капризы – притязание взрослого на детскость, или, наоборот, малыш важничает, кричит и сурово изрекает поучения житейской мудрости – ребенок притязает на взрослость. Или притязания профана на ученость, притязания хилого долговязого книжочка Дон-Кихота на рыцарские подвиги, притязания простоватого, невежественного Журдена на изысканную аристократичность, – всякое отступление от норм реального общественного положения вызывает в окружающих удивление и смех или возмущение и санкции.

А упорство в *неадекватном* поведении служит в обыденном сознании даже признанным признаком *сумасшествия*.

Но сохранение и повышение своего реального общественного положения и статуса является сильнейшим *мотивом* всей человеческой деятельности, претворяясь в самых различных ипостасях и прежде всего таких, как самолюбие – жажда общественного одобрения, защита своего престижа и незапятнанности репутации – *чести*, всеобщая погоня за уважением, авторитетом и почетом, не говоря уж о болезненном безумном обострении самолюбия в *честолюбии* и *тщеславии*.

Ради престижа совершаются и подвиги, и злодеяния. Бывает, ради престижа даже убивают друга, подобно тому, как “узнавший жизнь на самом деле”, скептический и язвительный Онегин застрелил на дуэли Ленского, пылкого романтического юношу, но не уладил недоразумение – всего лишь из боязни пересудов, “хохотни глупцов”, осуждения со стороны презираемых им соседей, вроде Зарецкого: как бы они не

подумали, что он, Онегин, трусил. Смелость и жестокость как будто б умного и гордого человека стали оборотной стороной его страха перед общественным мнением.

И это обычно. Человек, преодолевая страх, идет в бой, потому что больше смерти боится позора. По афоризму Б.Шоу, не существует мужества, есть только гордость. Когда-то Дюркгейм терзался недоумением: “Знамя – это лишь кусок ткани, но солдат дает убит себя ради спасения знамени”.

На самом деле, солдат отдает жизнь, конечно, не за тряпку, а из-за общественных отношений – зависимостей, которые за ним стоят; знамя же – их общепризнанный символ.

IV.2.8. Динамика сообщества

.....

Сообщества могут существовать столетиями, но их состав бывает *текучим*: одни их члены уходят или умирают, на их место приходят другие. Этот естественный закон показывает, что сообщество не тождественно совокупности личностей: личности приходят и уходят, а сообщество остаётся.

Любое *сообщество* – от семьи до организации – представляет собой систему *зависимостей* или, точнее, систему *взаимно дополняющих общественных мест*, функциональных и узусных, связанных взаимной зависимостью и удовлетворяющих какой-то общественной потребности. Например, семья – система общественных мест мужа, жены, их детей и других родственников. Школа является системой общественных мест учителей, учеников, директора, бухгалтера, классных руководителей, старост и т.д. Не просто совокупностью, а их функционированием. Поэтому-то отдельные элементы этих систем могут быть заменены, но сообщество остается.

.....

В *динамике* сообщества мне видятся следующие ступени: 1) конгрегация, образование сообщества; 2) функционирование; 3) конфликты; 4) развитие; 5) застой (стагнация); 6) регресс; 7) распад.

Как водится в развитии, здесь каждая следующая ступень заключает в себе преодоленную предыдущую.

Вытеснение былой общности интересов их разладом проходит в сообществе несколько ступеней:

1. Прежде всего, ценностный разлад получает идеологическое проявление, сказывается в *спорах*. Споры могут завершиться сглажи-

ванием разногласий и взаимными уступками, а могут подняться на следующую ступень обострения коллизии – привести к

2. *Поляризации* людей на противоположных позициях и в итоге разразиться в

3. *“Инцидент”* – действие, с которого начинается ущемление интересов другой стороны, ее вытеснение из продуктивных отношений и тем самым наступает заключительная стадия -

4. *Раздор*, практическое столкновение между людьми, – конфликт, борьба.

По результатам для сообщества розни и конфликты разделяются на “деструктивные” – ведущие к распаду сообщества и “конструктивные” – ведущие к его развитию.

Деструктивный конфликт проходит две стадии:

1. Стадия *обострения* конфликта: взаимных оскорблений, публичных унижений, дискредитации противника в глазах окружающих, а тем самым – разжигание взаимной ярости сторон – пролога насилия.

2. Стадия насилия или других *вытесняющих* действий. Она наступает, если конфликт и противоречие не находят разрешения на предыдущих ступенях.

При развитии розни отношения в коллективе становятся тягостными, в нем начинают преобладать последние семь человеческих типов: эгоисты, баловни, снобы, страдальцы, нытики, чудаки, парии и бунтари, – и в итоге сообщество распадается.

“Конструктивными” или “продуктивными” общественными рознями являются, например, соперничество научных теорий или рыночная конкуренция. Она активизирует производство.

Когда то, что необходимо индивиду, и то, что необходимо сообществу, раскалывается, общественные нормы и суд в глазах индивида обесцениваются.

Поэтому *ценимым сообществом*, т.е. сообществом, с оценкой которого человек считается, по терминологии Дж. Мида, “эталонным” или “референтным” (“reference group”), бывает не обязательно то, которое его окружает. Вор может жить среди честных людей и знать об осуждении ими воровства, но это его не останавливает. Еретик, оппозиционер, бунтарь и любой диссидент осуждают господствующие взгляды.

Как часто эмигранты, казалось бы, давно находясь в чужой стране, тем не менее десятилетиями смотрят на себя и живут по идеалам и обычаям своей покинутой родины, а другие люди, даже не уехав из отечества, перенимают заграничные идеалы, обычаи и язык.

Как видим, человек не пассивно детерминируется окружающей средой, а способен, так сказать, выбирать себе ценимую среду – соотносительно своим идеалам, хотя его идеалы рождены разладами необходимости с окружающей его действительностью.

Ценимая среда может быть даже воображаемой: художник, ученый, революционер, бывает, даже жертвуют жизнью ради “будущих поколений”, “прогрессивного человечества” или “передового класса”. Для них воображаемая оценка в этом образе и есть “общественное мнение”, которое выше мнения реального окружения.

Такое неожиданное, освобождающее превращение претерпевает знаменитый стратовый подход (в частности, классовый и партийный подход) человека к оценке мира: оказывается, разлады необходимости и действительности способны поднять человека над его действительностью, в частности, над его реальной средой.

Посредством такого пересмотра идеалов и принимаемых норм происходит распад одних сообществ и сложение новых – социативная перегруппировка общества.

.....

Показанная в выше приведенных **фрагментах нецеситная теория** человеческого общества служит **основой следующего дальше анализа и объяснения** его основных явления: от страт, культуры и государства до формаций и цивилизаций, их жизни, отношений и развития. (См. дальше *Оглавление* книги.)

Как видим, в нецеситной социологии детерминация является **многоярусной**: **1.** Бытие: **1.1** природа, + **1.2.** потребление и производство (хозяйство, быт, искусство, наука, школа) → **3.** Колейны понимания + → **4.** Продуктные связи, зависимости и розни → **5.** Общежитие → социации, их регуляции → **6.** Прокрусты идеалов → менталитет: нравственность → мораль + → власть, право, идеология → **7.** Психологические типы людей → **8.** этносы и страты → **9.** Государство, его типы → **10.** Культура → **11.** Взаимодействия, события, история → **12.** Развитие → формации и цивилизации... + обратное действие каждого яруса на предыдущие. (См. XI.2-7)

По такой многоярусности нецеситной детерминации можно предвидеть, что **нецеситный анализ** социального явления или исторического события должен быть не сухой абстрактной схемой влияния на них «производства» самого по себе или исключительно «экономических отношений», или только идеологии и т.д. – все *врозь*, каждая сфера сама по себе, и оттого схемой искаженной – неверной. Наоборот, нецеситный анализ должен выливаться в картину цельную, полную и живую – благодаря знанию и подразумеванию обрисованных продуктных, менталитетных и других необходимых опосредований бытия – по всем ярусам и в их полноте.

Далее в качестве **примера** такого понимания, основанного на нецеситных парадигмах, приводим **9-й** фрагмент (*по оглавлению XI.3.6.*) – рассмотрение одного из аспектов близкой нам современной истории России.

Фрагмент 9-й: XI.3.6. Эсерская альтернатива России

История не имеет вариантов (“сослагательного наклонения”) – для потомков, потому что нам в прошлое не вернуться. Но для современников их *актуальная* история, в настоящее время, вся история состоит из вариантов – возможностей, и потому она для нас иногда крупно меняется иногда даже от мелочи.

Никакой предопределенности и неизбежности пришествия большевиков к власти не было. Весы гражданской борьбы лихорадочно дергались вверх и вниз.

Как не было в 1917- 20 гг. возможности и “диктатуры контрреволюционной военщины”, корниловской, колчаковской или деникинской, – как иногда допускают с прозрачной апологетической целью: не будь, мол, большевистской диктатуры, была бы белогвардейская.

Стратовой базой военной диктатуры могло служить только помещное дворянство и старая бюрократия. Стоит только таким образом прояснить социальное содержание слова “военщина”, как становится явной невозможность ее победы в 1917 г., и причины ее поражения в 1918 - 21 гг.: не было уже у нее массовой опоры: и крестьяне, и горожане были против. Офицеры и чиновники Колчака и Деникина своими реваншистскими бесчинствами лишь отталкивали от демократии население и солдатскую крестьянскую массу.

Не было альтернативы исключительно диктатур – либо белой, либо красной. Единственной реальной альтернативой большевизму было

торжество тогдашнего большинства населения – *крестьян*, а с ними и профессиональных рабочих и интеллигенции, следовательно, *эсеров*.

Сами по себе крестьяне показали неспособность организовать в самостоятельную политическую силу. Они, по свидетельству Н. Махно (с.165), создавали самоуправление *местное*, но не общегосударственную организацию. Для государственной организации нужна партия, и она у них была – эсеры, но они были рыхло организованы, колебались и действовали нерешительно и недостаточно.

В 1917 г. эсеры не блистали таким по-немецки внешне педантичным (и, тем не менее, завиральным) учением, как марксизм большевиков. Но их идеология тоже была вдохновенной. Она включала демократию кадетов: всеобщие выборы парламента и судей, гражданские свободы и т.д., 8-ми часовой рабочий день, рабочее законодательство; но исключала кадетское охранение своих классовых преимуществ собственности и места, отстаивала прогрессивный подоходный налог, революционный передел среди крестьян также и помещичьей земли (“социализация земли”) и автономию областей.

И эсеры тоже выступали за выход страны из войны, ничего хорошего не дающей трудящимся; но не как большевики, – не на *любых* условиях. И особенно две основные практические идеи их “**крестьянского социализма**”: **земля и самоуправление** – трудовому народу, – были привлекательны для большинства народа, и в частности, крестьян, нынешних и вчерашних, крестьянской интеллигенции (а тогда это ~ 2/3 от её общего числа) и сделали эсеровскую партию самой популярной: почти миллион членов и несколько миллионов сочувствующих. В неё записывались целыми ротами, сёлами и фабриками. Более 55% депутатов Учредительного собрания. По-современному говоря, рейтинг эсеров был почти втрое выше, чем у большевиков.

Однако, будучи самыми влиятельными в народе, эсеры постоянно уступали власть другим. Не думаю, что от робости. В 1905 году они возглавляли всю революционную бучу: и демонстрации, и террор, и экссы, и погромы усадеб, и восстания. Но в 1917 они медлили, по видимому, как характерно для демократических натур, по недостатку карьеризма, страсти к власти и по успокоенностью как раз своей популярностью. Торжествовали бы прекрасные идеи в жизни.

После февральского падения самодержавия эсеры уже к лету 17 г. возглавили крупнейшие Советы и фактически получили в стране власть, однако *не* использовали её для реализации своих программ и вывода страны из кризиса (XI.3.5), а “на время”, до Учредительного собрания, *передоверили* её Временному правительству, долго не заме-

чая, что его кадетские лидеры связаны “долгом чести” с поместным дворянством и бюрократией и оттого “не имеют политической воли” ≡ не желают ничем поступиться: ни помещичьими землями, ни своими чинами и постами, ни Дарданеллами, – и ради того целых восемь месяцев (!) *оттягивают* проведение общенародных выборов новой легитимной власти, – себе на голову упуская драгоценное время.

И не только правые эсеры, но и центрист В.М.Чернов, их ведущий идеолог, после апрельского народного возмущения воинственностью кадетов (вслед за главой Петросовета А.Ф. Керенским) тоже доверчиво вошел обновлять коалиционное Временное правительство, надеясь продавить в нем собственную земельную программу, и только убедившись в бесперспективности своих усилий: ему там без конца ставили препоны, – министр вышел в отставку.

Только левое крыло эсеров (лидеры М. Спиридонова, Б. Камков (Кац), народник М.Натонсон (Бобров), А. Колегаев и др.) требовало немедленного выхода из войны и, не откладывая, поддерживало крестьянские дружины, а его “военная организация” работала в армии.

Растущее возмущение в эсерской партии своими правыми, их лелеяньем пустых надежд на кадетов довело её до *раскола* – отделения левого крыла в самостоятельную партию левых эсеров – ПЛРС.

Они шарахнулись на союз с большевиками, – участие в ВРК и октябрьском восстании 25.10 (7.11) 1917 г. Но и здесь, тоже имея превосходство, они уступали большевикам, соглашаясь на роль младших партнеров и предавая реализацию собственной программы.

Глупый протестный уход со II съезда Советов эсеров (правых) и меньшевиков только развязал большевикам руки и во ВЦИК съезда вошли одни большевики (62) и левые эсеры (29), а его правительство Совнарком стало целиком (на 100%) большевистским, однопартийным, так как левые эсеры вовсе отказались войти в него, поскольку на съезде крестьянское *большинство* страны вообще никак *не* было представлено! И только в декабре, когда профсоюз “Викжель” потребовал *общего* “социалистического правительства”, под угрозой всеобщей забастовки железных дорог и блокады столиц левые эсеры были включены в Совнарком (но явно в непропорциональном меньшинстве – всего семеро) и во ВЧК.

Большевики и эсеры во ВЦИКе и СНК изначально стали в контры. Да и как могло быть иначе? Эсерский раздел земли и *самоуправление* сельских общин, трудовых коллективов и областей в форме Советов (“анархо-синдикализм”) большевики поддержали только в качестве *временной* и *обманной* тактической уступки ради захвата власти. Они

хотели вовсе не самоуправления свободных граждан, а строили *централизованную бюрократическую* организацию с декретными планами и распределением, но запретом торговли. А эсеры связи между работниками представляли через свободную торговлю и выступали против продрозверстки и сверху задаваемых производственных планов. По эсерам, самоуправление через выборные Советы должно вытеснить диктатуру, а для большевиков Советы были формальным прикрытием государственной *диктатуры их партии*.

Эсеровская программа объединяла Россию – и как раз утверждением свободы личности, самоуправления и автономии областей. А большевики раскалывали общество как раз их претензией управлять остальными помимо их воли – путем централизованной диктатуры.

Так что союз левых эсеров с большевиками был их недоразумением. Даже от кадетов их отличал главным образом передел земли, а в остальном у них общего было гораздо больше.

Особенно обострились эти раздоры с марта 18 года после заключения Брестского мира. То, что привело большевиков к власти – разложение армии, стало причиной их кризиса и едва не стало концом.

На переговорах в Бресте Л.Троцкий методом их затягивания играл на потребности Германии срочно перебросить войска с восточного фронта на гибнущий западный, но всю игру ему испортил Ленин своим несвоевременным ультиматумом Киевской Раде о немедленном признании СНК, чем испугал сепаратистов и толкнул их под крыло немцам. Те увидели, что националы Украины и Прибалтики льнут к ним, когда у большевиков войск нет, и потребовали их аннексии.

Большевики не имели вооруженных сил воевать, так как и пришли-то к власти как раз благодаря разложению армии и роспуску её по домам, а на всенародную любовь к своей диктатуре не могли рассчитывать. Поэтому ради спасения своей узурпаторской и первоначально хилой власти готовы были продавать родину. Напротив, эсеры даже до воссоздания регулярной армии могли рассчитывать на массовую подпольную и партизанскую войну (с фронта народ бежал с оружием), – отечественную, – увязнуть в которой Германия, уже истощенная и терпящая катастрофу на западе, не имела сил.

Поэтому эсеры (да и “левые коммунисты”) решительно отвергали “похабную” Брестскую “капитуляцию”: потеря половины пашни страны, трети населения, 80% добычи угля и железа, выплата 6 млрд. золотых марок – вот вам и демагогия о мире без аннексий и контрибуций! В Бресте вы отдали братскую Украину и Новороссию на разграбление немцам, тем спасли германскую империю от краха – мало-мало

на год, – но утяжелили реквизитную нагрузку на деревни северной России и усугубили продовольственные бедствия её городов.

Эта антинародная политика вызывала общее негодование населения страны и даже застрявших в ней в войну иностранцев. В итоге полки из пленных чехов летом 1918 г. восстали против большевистских властей и вместе с эсерами отрезали всё Среднее Заволжье и Сибирь. На юге отложились казаки Дона и Кубани.

В январе 18 г. большевики смело арестовали кадетских депутатов Учредительного собрания, а затем лихо распустили и весь парламент. Их недалёкий ум не заботило, что от *запрета* дебатов в поиске согласия *в залах* социальные раздоры волшебным образом не исчезают, а только переносятся *на улицы и поля* сражений, – и получили Белые армии на юге и востоке России.

Большевистские рабочие *продотряды* встречали в деревнях все более ожесточенное сопротивление в отчаянных восстаниях и добывали хлеба все меньше и всё с большими жертвами, – в тысячи убитых продотрядников. За зиму 18 года зерна собрали всего 200 тыс. тонн, – на один миллион скудных пайков. Хватило бы на свои “столовые”.

Не помогли никакие большевистские совершенствования старой бюрократической затеи. Чтобы найти спрятанный хлеб, в обмен на его часть привлекали доносы бедноты и передавали власть от выборных Советов комитетам бедноты, “*комбедам*”. Частную торговлю запретили. Города окружили по заставам *заградотрядами*, которые обирали и расстреливали несчастных “мешочников”, менявших в деревнях последнее добро на съестное для семьи. Города голодали и пустели – население разбегалось. Разгоралась настоящая война за хлеб.

На V съезде Советов 6 июля 1918 г. левые эсеры имели бы подавляющее большинство, если бы не мирились с искусственным занижением нормы представительства от крестьянских Советов (*впятеро* ниже, чем от рабочих), – в результате чего левозэсерская делегация стала вдвое меньше большевистской (350 против 773).

На бурном заседании в Большом театре левые эсеры гневно обличали большевиков и требовали разрыва Брестского мира, ликвидации комбедов и “продовольственной диктатуры”.

В их распоряжении был особый отряд ВЧК под командованием левого эсера Д.И.Попова в 800 бойцов из матросов и финнов с пулеметами, броневиками и несколькими орудиями. На стороне эсеров были **все** (!) воинские части Москвы, ни одна не хотела исполнять приказы большевиков. У эсеров были пропуска для свободного прохода в Кремль. Все возможности арестовать большевистское руково-

дство – хотя бы за предательскую Брестскую капитуляцию, антисоветские комбеды и подтасовку представительства на съезд.

И на этом кратковременная эпопея большевистской диктатуры тогда бы и закончилась. Как во Французской революции еще короче был заговор их единомышленников – бабувистов.

Услышав о выходе левых эсеров на съезде, Ленин понял это, стал лицом белее бумаги. Большевистские вожаки сидели в растерянности.

Даже латышская дивизия, казавшаяся им надежной, оказалась ненадежна и, боясь, что под эсерской агитацией и она тоже перевернется на их сторону, Ленин согласился на её использование только по безвыходности и в сопровождении аж четырех комиссаров. Но и без латышей эсеры имели в московском гарнизоне многократный перевес военных сторонников

Но эсерские вожаки повозмущались - попротестовали, но и не подумали наступать – арестовать большевиков, а сели в штабе, ограничили тем, что для самозащиты взяли в заложники Дзержинского, явившегося к ним в поисках убийц немецкого посла Мирбаха.

Так вместо ареста большевиков, они отдали под арест сами себя – без малейшего сопротивления. Может быть, в ожидании такого же благородства от союзных товарищей противников? И были расстреляны. 13 человек тут же немедленно, без суда и следствия. А остальные эсерские вожди посажены на год в тюрьму и репрессированы позже.

Но разгром “эсеровского мятежа” (Если бы. Вернее, протеста на коленях) не стал большевистской победой. Всё их ужасное положение осталось с ними и остался страх, какого они натерпелись в тот жаркий июльский день, когда *все* были злы против них, никто не хотел им подчиняться и единственно от милости этих рохлей - эсеров зависело, остаться ли им в Кремле или попасть в Бутырку. А то и на столбы?

Страна уходит из-под ног. Кругом бойкот и отступления. А умирать не хочется. И как бывает, гиблая ситуация обернулась тайной грызней в верхушке. Авторитет Ленина в их глазах пал до ноля. Это он виноват. Втравил нас захватить власть, а что теперь делать, не знает. Он уломал нас на проклятый Брестский мир, накормил Германию – и где теперь мировая революция? Где от неё помощь? – поносили Старика тайком. (А в народе надо поддерживать веру). Зрел заговор.

30 августа грянул выстрел в Ленина. Но стреляла не полуслепая эсерка Ф. Каплан (видимо, подставленная для отвода глаз), а какой-то мужчина. (“Поймали *его*?” – спрашивал раненый вождь.)

Должно быть, это был заговор председателя ВЦИК и кадровика Свердлова (вскоре вдруг умершего “от испанки”, но весь в бинтах),

может быть, Троцкого и при попустительстве Дзержинского (левого коммуниста). Для их власти было выгодно устранение Ленина.

В первые месяцы после октября 17-го большевики были неуверенны и осторожны, но теперь в ужасе единственное спасение для себя они видели в расстрелах налево и направо – и ВЦИК и СНК рождали чудовищные постановления: 5 сентября – о “*красном терроре*” – административных расстрелах без суда – не по вине людей, а просто по их категории (“классовой принадлежности”): *всех* купцов, *всех* попов и т.д., о создании *концлагерей*, о расстреле за поражение даже командиров и комиссаров. От всей этой свирепости веет их собственным смертельным страхом.

Однако и это глупое поражение или упущенная победа эсеров, конечно, не стала их концом. На местах остались сотни тысяч их единомышленников и соратников, пусть в подполье. Невидимые бойцы еще опаснее. Даже в разгар гражданской войны отстранение ожесточенных и бесшабашных большевиков и спасение от их тоталитарной диктатуры было в руках эсеров.

И у них оставались ресурсы для победы. Порой неожиданные.

Их первым верным ресурсом была *Белая армия*.

Да, идеологией и часто командованием в ней долго заправляли политические банкроты, псевдокадеты из поместных дворян и старых бюрократов, посредственности из того же Временного правительства, ради своих чинов ревниво затиравших молодых и более способных офицеров, вроде Я.А. Слащева или П.Н. Врангеля. Безумные попытки самочинных карателей возврата себе поместий, мстительные порки и расстрелы крестьян только отталкивали их к большевикам.

Но ведь за 80% белых офицеров и рядовых не имели ни поместий, ни капиталов, а были мобилизованные ещё в мировую войну обычные разночинные интеллигенты и студенты, как их описывают А.Куприн или М. Булгаков, а по убеждениям и часто по партийности – эсеры. Кстати, обычно такие же, каких призывали и в Красную армию, отчего большевики им и не доверяли, брали их семью в заложники и при каждом для пригляда ставили комиссара. Да и сам Деникин происходил из крестьян и разрабатывал для белых проект аграрной политики.

Почему же эсеры считали важным вести и вели политическую работу в царской армии, но пренебрегали ею в Белой? Они имели реальную возможность просветить и организовать это своё проэсеровское большинство офицеров и солдат, с их помощью очистить Добровольческую армию от позорящих её элементов, провести в ней свою эсе-

ровскую программу, самую популярную в России, таким путём привлечь народ на сторону обновлённых белых и победить.

Летом 1918 г. эсеровскому правительству в Самаре вызвался служить даже монархист по идеалам, наследственный офицер В.О. Капель, всегда близкий к солдатам и крестьянам, – и не из страха за семью в заложниках, а за совесть – и с небольшим отрядом в 350 бойцов (две роты пехоты, кавалерийский эскадрон и конная батарея из двух орудий) лихо отвоевал Симбирск, Казань и всё Среднее Поволжье.

Белые потому и потерпели поражение, что не отмежевались от феодальных помещиков и бюрократов, даже в 1919 г. остались псевдокадетскими, но *не* стали проэсерскими. Всё стратовое и идеологическое межевание они *снова откладывали* на потом, – на “после победы”, для Учредительного собрания.

Идеал – главное оружие в гражданской войне. Но у белых была всего лишь реставрация “порядка” (старого) и никаких привлекательных для народа целей. *Безидеальность*, оттого деморализация и казнокрадство в собственных рядах – вот причина их поражения, несмотря на все их отчаянные героические усилия. Их поражение было сначала политическим, а уж потом и потому военным.

Настоящей массовой поддержки в населении белые не имели; а поэтому их малочисленные и порой полуголодные и полураздетые войска оставались **без обеспечивающего тыла** и **без пополнения** своих боевых потерь новыми бойцами. А попытки мобилизовать в солдаты крестьян оборачивались их дезертирством или переходом таких частей на сторону красных, часто вместе с оружием и захваченными офицерами. Конечно, из Красной армии тоже бежали, более 2,5 млн. дезертиров, но всё же много и оставалось, поскольку о будущности “национализации” (огосударствления) земли и коллективизации большевики тогда благоразумно помалкивали; да рядовые партийцы о таких тонкостях программы и сами не ведали.

Из-за отсутствия массовой поддержки в народе проваливались и прокадетские заговоры и восстания, такие как июньское 1918 г. в Ярославле, организованное с участием эсера авантюриста Б.Савинкова и его боевиков и только повлекшее тысячи напрасных жертв.

Единственная массовая база у белых нашлась в части ущемлённых большевиками казаков с их сословными земельными привилегиями за трудную военную службу на диких границах. Но эта база была недостаточной. К тому же, как крестьяне, казаки были заскорузлыми областниками, целое их мало заботило. Каждое казачество: донское, кубанское, терское, уральское, семиреченское, забайкальское, уссурий-

ское – держалось само по себе, а то и заявляло о выходе из “неделимой” России и не подчинялось ни Колчаку, ни Деникину, а помогало им только по доброму желанию и далеко не всегда.

Вот почему в Сибири, где не было ни малоземелья, ни большевистских комбедов, эсеры были популярны в городах и на заводах (Ижевска, Воткинска, Иркутска), но крестьяне были к ним безразличны, а казаки даже враждебны и помогли кадетским офицерам свергнуть эсеровский Комитет Учредительного собрания, КОМУЧ и поставить правителем адмирала Колчака, который в угоду казакам отменил советские (≡ эсеровские) декреты о разделе земли и издал указ о её возврате прежним собственникам с компенсацией их убытков.

Под свою единственную идею – “наведения порядка” А. Колчак, тоже аполитичный, сумел мобилизовать 150-тысячную армию. Но это был его потолок. И ту он не имел ресурсов обеспечить ни продовольствием (несмотря на все реквизиции, возмущавшие крестьян), ни вооружением, ни пополнением. А таких сил для победы было мало.

Если бы эсеровскую земельную реформу Врангеля белые начали не так поздно в 1920 г. в маленьком Крыму, а хотя бы в 1918 г., то все симпатии населения и победа склонились бы на их сторону.

Так что также и на эсерах лежит вина за поражение антибольшевистского движения. Это они не отобрали его у феодального дворянства и старой бюрократии и не взяли его на себя.

Другим верным ресурсом эсеров были “зелёные”, повстанческие партизанские отряды и армии, защитники крестьян как от белых, так и от красных и обычно проэсерские. С мая 18 по 21 г. по всем губерниям полыхали крестьянские восстания против комбедов и большевиков; от военного призыва уклонялось 80% мужиков, а мобилизованные, захватив оружие, бежали в леса, соединяясь в отряды в десятки, а то и сотни тысяч бойцов. И только террор белых заставил около миллиона дезертиров (“прощенных”) вернуться на время в Красную армию, чтобы к 1921 г. вновь бежать из нее.

Кто вёл эти зелёные армии? “Благородный разбойник” эсер Г.И. Котовский в Молдавии, левый эсер подпоручик Н.А.Щорс на Черниговщине, анархист Н.И.Махно и левый эсер атаман Н.А.Григорьев в Новороссии, легендарный командарм 2-ой конармии и враг Троцкого (за расказачиванье) Ф.К.Миронов на Дону, командир питерского добровольческого отряда на Средней Волге эсер М.А.Муравьев, председатель Союза трудового крестьянства поручик П.М.Токмаков и эсер А.С. Антонов на Тамбовщине, сельский плотник комдив В.И. Чапаев в Приуралье, главком крестьянской красной армии Е.М.Мамонтов на

Алтае, агроном А.Д.Кравченко на Енисее, сельский плотник штабс-капитан П.Е. Щетинкин в Приморье и многие другие народные любимцы, не столь прославленные.

Но эсеры то и дело уступали их влиянию большевиков, которые использовали их вражду к белым и прельщали своими обычными обещаниями всего на свете, орденами, званиями комдивов и командармов, но всегда их опасались и исподтишка устраивали им “случайную гибель” от пули “неизвестного” в затылок или обвинение в измене и расстрел. Быть народным героем при большевиках было опасно.

И еще несчастнее – эсеры оставили зелёных разрозненными. А что стоило повстанцев объединить в боевой кулак своими эмиссарами и общим командованием и координировать шифровками, имея сочувствующих телеграфистов на всех железнодорожных станциях? Стать решающей силой? Упущение этой возможности – тоже их вина.

А ведь роль зелёных в исходе сражений гражданской войны не раз была решающей. Когда 30 сентября 19 г Добрармия взяла Воронеж, а 13 октября – Орёл и подступала к Москве, Ленин собрал в Кремле секретное совещание по эвакуации правительства в Вологду и переходе партии в подполье. Но рейд тачанок и кавалерии Махно по тылам ВСЮР отвлек часть сил белых на юг и тем спас большевиков.

И не последний ресурс эсеров – сама *Красная армия*.

Ведь она была мобилизована тоже из тех же крестьян, рабочих и интеллигентов и большинство в ней тоже было настроено проэсерски – втайне. Недаром большевики никому в ней не доверяли, приглядывали комиссарами, а семьи держали в заложниках. А когда в 1920 г. белая опасность исчезла, недовольство стало явным, а эсерские лозунги: “Долой продрозверстку!” “Свободу торговли!” “Власть Советам, а не партиям!” “Советы без коммунистов!” – общими.

Также как тогда в начале 1921 г. за них сражались крестьянские восстания и ими бродили голодные и бастующие Москва и Питер.

И если бы в марте 21 г. кронштадтские проэсерские “мятежники” не заперлись “обороняться” в крепости, совсем такие же пассивные, как в Москве в июле 18 г., а наступали – послали свои отряды в другие воинские части и в столицы, песенка большевиков была бы спета.

Но и после разгрома кронштадтского “мятежа”, не уступи твердокаменные эсеры в экономике, промедли с отменой продрозверстки, с разрешением свободной торговли и частной собственности – НЭПом, повсеместно взбунтовалась бы – “изменила” уже Красная армия. А так сохранили хотя бы политическую власть и крупную госсобственность, правда, отпущенную на рыночный хозрасчет предприятий, трестов и

синдикатов. Не забыл прозорливый холодный ужас жаркого июля 1918 года, когда никто не хотел им подчиняться.

С чего большевики начали, тем и кончили. А что бы уступить ещё в 18 году? Для чего три года лили кровь?

Итог гражданской войны стал двойственным. Страна получила не победу эсеров, а *контрфорс*: внизу торговля, радующая народ, а сверху затаился в тоске зверь сложившейся бюрократической партии, диктаторской коммунистической утопии с карательной машиной ЧК - НКВД, собираясь с силами и мыслями: почему эксперимент не удался? что делать дальше? И между этими силами всё время кипела скрытая борьба на уничтожение, потому что одно исключало другое, – и в 1928 году зверь ринулся в новый реванш – сталинизм.

Победа эсеров обеспечивала расцвет России. Без большевистской партийной диктатуры Советы развились бы в полноценную демократию. Не было бы никакого свертывания рынка и новой бюрократизации экономики, не было бы десятков миллионов жертв НКВД и ГУЛАГа, никакой насильственной коллективизации и авральной индустриализации с их чудовищными жертвами, но, как в других странах, росли бы нормальные кооперативы и ещё долго сохранялись бы нэповские темпы экономического роста ~ 19% в год, рывок втрое за пять лет, – “русское чудо”, – и страна бы, в самом деле, догнала бы и обогнала некоторые самые развитые страны.

В демократическую Россию без опасений стали бы возвращаться два миллиона вынужденных эмигрантов, в большинстве специалисты мирового уровня. Среди них такие звезды нашей науки и искусства, как химик В.Н.Ипатьев, изобретатель телевидения инженер В.К. Зворыгин, авиаконструктор И.И.Сикорский, певцы Ф.И.Шаляпин и Н.В. Плевицкая, танцоры и балетмейстеры А.П.Павлова, М.М. Фокин, Дж. Баланчин, музыканты С.В.Рахманинов и И.Ф.Стравинский, художники К.А. Коровин, А.Н.Бенуа, З.Е.Серебрякова, сотни писателей, тысячи университетских профессоров, учителей, врачей, экономистов, компетентных предпринимателей и военных специалистов.

Демократическая рыночная Россия обрела бы не враждебное окружение стран Антанты, а лояльность и поддержку. Скорее всего, тогда не было и никакого гитлеровского нападения.

Что мешало эсерам победить?

Как видно из нашего аналитического обзора, решительно никаких непреодолимых объективных препятствий не было. Напротив, много

раз удачные обстоятельства сами плыли баловням в руки, так что от них не требовалось и никакого особого ума, только **действуи**.

Светлые перспективы России упущены всего лишь по трём *субъективным* древнерусским “добродетелям” (VIII,1.4), которыми россияне привыкли в себе насмешливо гордиться, но страдали эсеры:

- 1) *Доверчивость*. (Сами в себе мы это ругаем простофильством).
- 2) *Нерешительность* (сомнение в своих силах, “скромность”).
- 3) *Нерасторопность* (мешканье и лень).

Беспорно, у менталитета тоже есть свои *объективные* причины. Но всё-таки душа не материальна – и понимание гибельности её изъянов вполне позволяет их в себе одолевать.

Чтобы, гордясь, жить в стране свободной и богатой, процветающей и счастливой, стоило побороть в себе эти простофильство и нерасторопность. Чтобы есть калачи, надо слезть с печи.

И это было возможно. Как тогда в начале 20 века эти “доблести” “загадочной русской души” вполне отряхнули с себя большевики. То же ведь россияне, той же страны, только иного опыта иной страты, маргиналов и люмпенов, ожесточенных и бесшабашных.

Это их энтузиазм великой мечты и трезвая расчетливость и воля позволяли им десятилетиями авантюризма, коварства и жестокости побеждать, кажется, в самых безнадежных ситуациях. В которые, впрочем, они сами же себя без конца десятилетиями и загоняли.

Хотя, как ни удивительно, серьёзный ресурс для эсерской программы – ограничение демократией и земельной реформой – таился даже внутри самой РКП(б). “Монолитное единство партии” пропагандировалось для устрашения врага; на самом деле, она никогда не была однородной, а раздиралась злой борьбой фракций (VII,2.3). К эсерскому отрицанию Брестского мира и умиротворению на НЭПе тяготели “левые коммунисты”, из наиболее влиятельных – Бухарин, Дзержинский, Фрунзе, Рыков и Томский. Но в интригах они по своему полуэсерскому же добродушию проиграли сталинистам и страшно погибли. Несмотря на то, что и сам Ленин в конце жизни колебался.

В России НЭП длился всего только семь лет. “Всерьёз и надолго” не получилось. Но в Китае Джо Энлай и Дэн-Сяопин сумели тихо отстранить маоистов, а их преемники уже более тридцати лет политической управляемого рынка обеспечивают завидные экономические и социальные успехи Поднебесной. Продлись рынок у нас дольше, вероятно, сбылись бы прогнозы экономистов начала XX века: по душевому производству Россия стала бы самой богатой страной в мире.

Но в итоге своих “побед”, перерожденные привилегиями наши коммунисты, в конце концов, убедились, что “общественная собственность” – это всего лишь собственность госчиновников, ворочающих всем в стране и ублажающих себя миллиардерскими привилегиями. А остальные и, в самом деле, не имеют никакой частной доли, а потому рабы госчиновников, целиком зависимы от них и могут быть по их воле лишены всего: работы, стало быть, пищи, жилья, семьи, передвижения и жизни. Да и сами госчиновники – рабы своей иерархии и в любую минуту по прихоти сверху тоже могут быть отвергнуты и лишены всего. И эта неволя все больше заражала их жаждой приватизации госсобственности в свою собственную долю.

Коммунисты обнаружили себя в безнадежном историческом тупике: халтурная работа только по приказу сверху, даже абсурдному, и ради отчета, даже ложного, без собственной инициативы, без демократических рыночных стимулов и регуляторов – и тут поняли крах своего грандиозного проекта *бюрократического диктаторского коммунизма*. И теперь их былая коварная расчетливость вдруг стала называться дурью, а эсхатистская железная воля – фанатизмом.

Если бы выборы в Учредительное собрание проводились не в ноябре 1917 г., уже *после* проэсеровских земельных декретов Советов, а в апреле - мае, исход русской революции был бы не большевистским. Если бы белогвардейцы изначально шли за эсерами, они бы победили. Если бы эсеры объединили крестьянские восстания, они бы победили. В итоге десятилетий жестокого энтузиазма большевизм кончил крахом и сам в который раз свернул на эсерскую программу.

Оказывается, она обречена на победу. Хотя бы и через 70 лет тщеты “другого пути”. Хотя и поныне еще не вполне реализована. Ничего лучшего не было и нет. Остальное – утопии.

Эсерская программа утверждалась в обществе вопреки слабостям самих её адептов и ожесточенному сопротивлению её противников, как из белых, так и красных. Она торжествовала вопреки всем первоначальным победам её противников, просто силой своей необходимости обществу

Вот что такое **необходимость** – граница свободы. И вот как тяжёлы бывают кары за непочтение к этой незримой царице общества.

*

*

*

Главы VIII, XI, XIII книги (см. *Оглавление*):

VIII. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФОРМАЦИИ

VIII.1. Сущность и противоположность формаций	195
VIII.2. Распределительные формации	224
VIII.3. Меновые формации	234

XI. РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

XI. 1. Содержание общественного развития	422
XI.2. Общественные трансформации	447
XI.3. Трансформации российского деспотизма и демократизма	472
XI.4. Истоки и исходы тоталитаризма	498

XIII. НЕЦЕСИТНАЯ ФУТУРОЛОГИЯ

XIII.1. Современное развитие	560
XIII.2. Будущее капитализма и социализма	584
XIII.3. Будет ли коммунизм?	605

частично представлены в докладе «Наш путь к коммунизму» (См. в вебсайте автора и в интернете).

О приобретении и переиздании **типографских** книг
обращаться по адресу:

kokurin@nextmail.ru gazinur@list.ru newfrost@inbox.ru

или libraev@mail.ru или в издательства.
